

АХМЕДХАН АБУ-БАКАР

ТАЙНА
РУКОПИСНОГО
КОРАНА

Ахмедхан Абу-Бакар

Тайна рукописного Корана

Абу-Бакар А.

Тайна рукописного Корана / А. Абу-Бакар —

Эта приключенческая повесть отражает события, происходившие в период революции и гражданской войны в Дагестане. Главный герой ее смелый и отважный Хасан встал во главе горцев, поднявшихся на борьбу за свободу и справедливость.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ахмедхан Абу-Бакар

Тайна рукописного Корана

*...У того, кто говорит правду, конь должен стоять у ворот оседланным. Еще лучше, если одна нога говорящего уже в стремени.
(Из надписей на полях корана)*

Глава первая

Тропою ночи

Еще сильнее нахмурилось небо: темное, мрачное, бурливое. Время предутреннее, время рассветное. И тревожное, хотя час этот в природе обычно бывает тихим. Ветер злится и воет, рождает бурю. Гонимые стихией тяжелые причудливые тучи налетают друг на друга, и словно бы из их столкновений рождаются ослепительно яркие ломаные стрелы молний и устрашающе дикие раскаты грома, такие, что могут обуять страхом и не суеверные души. Месяц, похожий на кривой кинжал, будто рубится с черными тучами, высекая все новые и новые искры молний.

Осенние дожди здесь, как всегда, обильные, проливные. Дурши-марка – называют их амузгинские кузнецы, – дожди, несущие с собой ржавчину.

Хлещут они косыми струями, пригибают к земле не только травинки и ветки орешника, гнут и могучие кроны деревьев... И чудится, будто все живое на земле замерло. Затаилось и, съезжившись от страха, прислушивается, чем же это кончится.

Молчат в гнездах птицы. Попрятались звери... Только в давно заброшенном приземистом почтовом домике, приютившемся в большом ореховом лесу, в домике, который некогда был единственным связующим звеном между так называемым цивилизованным миром и Кара-Кайтагскими и Сирагинскими горами, сейчас не тихо. Когда-то отважные абреки, с народом согласные, с царем не согласные и с людьми царевыми враждующие, не пожалели сил, чтобы нарушить эту связь, – опустошили почтовую станцию, угнали лошадей. С тех пор не было в доме этом жизни и никто в нем вроде бы не останавливался.

Как бы то ни было, но именно здесь в этот тревожный предутренний час один за другим прогремело вдруг несколько предательски глухих выстрелов. И тотчас, хлопнув скрежещущей на ржавых петлях дверью, наружу выскочил человек в островерхой папахе, в темной черкеске с полным набором газырей, обутый в сапоги. Не глядя, сунул он наган в самодельную кожаную кобуру, закутал голову черным башлыком, вывел из-под навеса коня, легко вскочил в седло, и через минуту по каменистой дороге разнесся бешеный топот его аргамака. Оставшаяся под навесом белая пышногривая лошадь недовольно заржала, словно упрекала: «Что же это меня здесь бросили?!»

Скачет одинокий всадник, позабыв о бурке, привязанной сзади к седлу, – а ведь она бы спасла его от дождя. Скачет на черном как ночь коне с подвязанным хвостом, несется вперед, словно спешит поскорее вырваться из тисков грозно разбушевавшейся стихии.

А дождь хлещет с такой силой, что всадник вмиг промок до нитки, или, как говорят сирагинцы, до самых укромных мест. Хочешь не хочешь, вспомнил он о бурке, накинул ее на плечи. И дождь, будто только того и ждал, вдруг утих. Черные тучи раздвинулись, образовав в небе подобие светлого коридора, – это рассвет рассеивал темные силы.

Вспышка молнии на мгновение осветила полузакрытое башлыком лицо одинокого всадника. Лоб рассечен глубоким шрамом, таким глубоким, что в него можно вложить половинку

грецкого ореха. Шрам этот доходит до левой брови, и в остром пронзительном взгляде человека, видимо только что испытывшего страх, вдруг засветилась победная радость, радость надежды. Можно подумать, всадник вспомнил извечный наказ мудрецов: пусть голова упокоится ночью там, где и утром она будет целой, – и потому сейчас, мысленно адресуя эти слова своему незадачливому спутнику, оставшемуся в почтовом домике, криво усмехается с сознанием своего превосходства – меня, мол, голыми руками не возьмешь, я из рода Занзбар, рода колючих людей, не мхом стелющихся под чарыками.

Нет, не в сторону гор направляет он своего легкого скакуна, а в степи кумыкские, что дышат соленым запахом близкого моря и шумом налетающих на прибрежные скалы яростных волн, дробящихся тысячью брызг. Туда, где хрипло гудит запоздалый паровоз и перестукиваются на рельсах маленькие, видно пустые и потому громогласные, вагоны, ведомые одноглазым железным конем по морскому берегу, куда-то вдаль от полустанка Мамед-Кала.

Судорожно глотая холодные, бьющие в лицо капли дождя, спешит всадник. Спешит, словно хочет нагнать поезд. Впереди разрыв в тучах – полосой сияет красный рассвет. И будто нет там дождя, и гром не гремит, и молнии не сверкают.

Над омытой дождем землей рождается светлый день, и всадник несется туда, на север, в сторону бывших владений шамхалов Тарковских, князей дагестанских, тех, кого белые цари за верную службу щедро одаривали генеральскими званиями да собольими шубами.

Советская власть с первых же дней своего существования поделила земли шамхалов между теми, кто извечно гнул на ней свои спины, а нефтяные и рыбные промыслы национализировала. Только, к великому сожалению бедняков, недолго радовался простой люд. Конец лета тысяча девятьсот восемнадцатого года. Это, как поется в горской песне печали, рожденной в ту пору на скорбных струнах чугура, было время, затмившее серой тучей лучи долгожданного восхода, лучи, ласково согревшие человека на земле. Под свирепым натиском мятежных терских казаков, в которых царизм еще в прошлые века взрастил червь неприязни к горцам, и наемных полков англичан, в числе коих хоть и редко, но попадались и сыны многострадального Индостана – так называемые колониальные солдаты-индусы, прихваченные то ли для экзотики, то ли для острастки – знайте, мол, глядите, куда дотягивается лапа британского льва, – стонала земля.

Казаки валили с севера, англичане с юга. И это не все. Словно потоки селей и горные обвалы, хлынули «единоверцы» турки, снова зашевелились имамы и богатеи.

Ну как тут было выстоять неокрепшей советской власти, не успевшей еще доброй гостьей заглянуть во все горские сакли, переступить жаждущие света пороги, засветиться огнем в скудных очагах, затеплить их?

Восторжествовали черные силы, и бывшие владельцы снова поднимали головы, – мол, наша взяла, мы, дескать, были и будем наверху. Однако бедняки, познавшие радость обретенной земли, не собирались от нее отказываться и готовы были биться за эту землю не на жизнь, а на смерть...

Скачет всадник, обласканный теплыми лучами рассветного солнца. Кто он и откуда? Абрек это. Саид Хелли-Пенжи. Лесной брат не робкого десятка; качаг – разбойник, наводящий ужас на все живое в Кара-Кайтаге. Дом его – Большой ореховый лес. Родом абрек из Табасарана. Только ни сам он, ни люди не помнят, кто были его отец и мать. Утверждают, будто еще из колыбели его выкрала волчица и вырастила в лесу. Потому-то, наверно, и стал ему домом дремучий лес.

Куда и зачем несется всадник в черном башлыке? Кто знает? Похоже, только сам он да и аллах в небе, который, как видно, смиловился над ним, раз осветил ему дорогу и, разогнав тучи, пронес над его узкими плечами дождь и теперь вот стелит впереди путь прямой, как выемка на лезвии кинжала.

Саид Хелли-Пенжи проведал о тайне и скоро завладеет ею. Это-то и гонит его. Вот что подхлестывает. Но он скачет, а сам озирается вокруг, не забывая о поговорке: оказавшись один в пути, заведи глаза и на затылке.

Кого только не влекла к себе тайна, хотя, как записал всего неделю назад на полях рукописного корана с медной застежкой известный своей ученостью почтенный Али-Шейх из Агач-аула, «самая великая тайна – это жизнь, и постичь ее дано не каждому, но безмерно удачлив тот, кто владеет ключом этой тайны».

Славная смерть

На расстоянии второго рассвета от этих мест, на небольшом кладбище у Агач-аула, осененном густой тенью вековых деревьев, после полуденного намаза похоронили человека, чье имя не один десяток лет благословляли не только жители долины, но и горцы-тавлинцы. Друзья и родственники увенчали могилу покойного небывало искусным надгробьем. Умершего, да не померкнет память о нем, пока луна порождает в людях добрые мысли и чувства, звали, как всякого правоверного, простым именем – Али-Шейх. И хотя величали его всеми титулами служителей веры, шейхом он не был никогда, а вот ученым – в этом спора нет – был истинным. Жизнь своих соплеменников Али-Шейх знал как никто другой, любил их, болезни лечил... Девяносто с лишним лет служил он людям. Срок немалый для того, чтобы многое познать в этом мире.

В народе говорят: много знает не тот, кто много прожил, а тот, кто много видел. Али-Шейх и видел много, и прожил достаточно. Это он, еще юношей, пытливый, знающий грамоту и язык русский, был послан к командующему первой бригадой девятнадцатой пехотной дивизии генералу фон Клюгенау с письмом Шамиля, в котором в ответ на предложение прибыть в Тифлис, где тогда находился Николай I, и испросить у царя прощение, имам, памятуя о многократных коварных изменах досточтимого генерала, отказывался последовать его совету. Согласитесь, что уже эта миссия Али-Шейха была достойным испытанием его мужества.

Всю жизнь Али-Шейх искал в мире правду. Искал, как избавить людей от нищеты и невежества, от горя и рабства. Искал вместе с Шамилем и после Шамиля, когда поверженные «дикие» сыны неприступных ущелий и гор, дотоле признававшие над собой только власть аллаха, перед строем войска победителей, под грохот пушечной пальбы целованием корана клялись в верности белому царю. «Клянусь всемогущим аллахом, – гласила клятва, – пророком Магометом, святым его кораном и добрым именем жены своей! Клянусь, что отныне буду верен великому падишаху российскому и не стану больше поклоняться таким лжепророкам, как проигравший все битвы имам. Да осквернится гроб моего отца, да покарает меня аллах и пророк Магомет, если нарушу эту клятву верности!» Горцы с легким сердцем произносили «страшные» слова клятвы и... тотчас забывали их.

До последних своих дней Али-Шейх искал лекарство от горя людского, от нищеты и беспорядка. Благодарные люди еще при жизни, славя его мудрость и ученость, слагали о нем песни, складывали слова в строки. День, когда ему добротой своей не удавалось согреть человека, Али-Шейх считал для себя потерянным.

Люди шли к нему со всеми заботами. Целые аулы считали честью иметь его своим маслиатчи¹ во всех бедах: в решении вопросов кровной мести, в спорах о потраве лугов, о краже... С ним считались князья и правители. Были такие случаи, что и белый царь удостоивал его письмами, а однажды прислал в дар хорьковую шубу и сто рублей серебром. Царь знал, что делал, – ласкал-задабривал людей, пользующихся влиянием в народе, и тем держал в покорности бурлящий недовольством край. Потом, когда не стало царя, когда наступили не дни и

¹ Маслиатчи – советчик, посредник.

недели, а целые годы смуты и беспорядков, все считались с авторитетом мудрого Али-Шейха. А он, пристально вглядываясь во все и во всех, упорно искал истинных друзей горцев и все, что думалось ему в эту пору, записывал на полях рукописного корана с медной застежкой, что достался ему от деда, известного на весь Восток ученого по имени Хамза-Дагестанли.

Наступило такое время, Али-Шейх увидел наконец истинных друзей народа, тех, кто отыскал лекарство от всех людских бед. Это были большевики. Али-Шейх целиком отдался служению им, чем немало разгневал ревнителей веры и мечети. Служил он большевикам и народу, чем мог. Только недолго. Внезапно, и совсем некстати, жизнь его оборвалась. И случилось это вот как.

Минувшим утром Али-Шейх завершил чтение очередной книги. А в роду у них издавна вошел порядок – прочтение всякой книги отмечать семейным празднеством. Довольный собой, потирая руки, Али-Шейх сказал своей старухе:

– Испеки-ка ты нам завтра, дорогая Меседу, чуду,² да с дымоходом.

– Отчего же не испечь, испеку. Для кого мне еще печь, если не для тебя, – с радостью согласилась Меседу, всегда и во всем готовая услужить мужу.

– И для меня и для моих друзей. А ты, сын мой, – добавил старец, глянув на сына Мустафу, единственного своего отпрыска, надежду и продолжателя рода на земле, – созови ко мне всех друзей, всех, до кого долетит голос твой и до кого копыта коня твоего доскачут.

– Все исполню, отец! Да высохнет язык во рту, да отсохнут ноги коня, если откажутся они служить тебе!

Великое множество друзей собралось в доме Али-Шейха. Были среди них и Абу-Супьян из Шам-Шахара, и Мазгар из Кубачи, и даже Шахбан из Ведено, не говоря уж о всех почтенных людях из близлежащих аулов. Время было такое, лошадей много – коней мало, народу много – людей мало.

Съел Али-Шейх за обедом с аппетитом целых три куса ароматного чуду с дымком и велел вдруг постель себе постелить. Лег, попросил воды напиться, подозвал к себе сына Мустафу, притянул его поближе и зашептал на ухо: «К тебе вскорости явится человек и подаст газырь, схожий с теми, что у меня в бешмете. Это будет Хасан из Амузги. Исполни все, о чем бы он тебя ни попросил... Дело в том...» Али-Шейх, не договорив, смолк и закрыл глаза. Не застонал, не вскрикнул, будто погрузился в спокойный глубокий сон...

«Да ниспошлет аллах каждому правоверному такую благородную легкую смерть. Мгновенную – без тревог и мучений!» – говорили одни. Другие усматривали в такой смерти кару аллаха. «Хоть покойников и не судят, – утверждали они, – но, связавшись с комиссарами, с этими безбожниками-большевиками, он совершил тяжкий грех. Виданное ли дело, двадцать три вагона с оружием со станции Петровск в одну ночь как в воду канули. Это дело рук большевиков, и без помощи Али-Шейха они не обошлись. Вот за такое и покарал его аллах...»

– Если бы все крылатые мед носили, негде было бы его хранить! – глубокомысленно изрек кто-то и сам потом долго думал, к чему он это сказал, и добавил еще более непонятное: – Не бывает так, чтобы тень от дерева не повернула на ствол...

Осенью восемнадцатого года, когда под натиском контрреволюции в Дагестане временно пала советская власть, в Петровске и правда произошел такой случай. Прибыл туда состав из двадцати трех вагонов, груженный оружием, отобранном у интернированного войска, возвращающегося с Кавказского фронта. Высшие офицерские чины разоружили солдат из страха, как бы, охваченные «большевистской смутой», они не повернули против своих же офицеров и не влились в отряды Красной гвардии. Только ничего им не помогло. Двенадцать юнкеров

² Чуду – национальный пирог с отверстием для выхода пара в верхнем слое.

и три офицера, что охраняли состав, были найдены удушенными в угольном складе, а вагоны с винтовками, пулеметами, всякого калибра патронами и бомбами исчезли, будто арба с дровами. В землю они провалиться не могли. Как говорится, раз на ровном не помещается, и в яму не сунешь. Куда подевались вагоны, так и осталось неразгаданным. Хабар³ этот поверг всех в изумление. Каких только догадок не строили, чего только не рождало людское воображение, однако до истины никто не докопался. А так как все необычайное в этих местах привыкли связывать с именем Али-Шейха, пошел слухок, что и в этом деле без него не обошлось, хотя все сошлись на том, что вся операция – это дело рук ушедших в подполье большевиков.

Просьба старика Абу-Супьяна

Агач-аул, что значит Лесной аул, – это всего несколько саманных домиков с крашенными в голубой цвет фасадами, обращенными на восток. Крыши у них плоские, и над каждой вышаются сплетенные из жердей дымоходы да катки для утрамбовки глины, которой то и дело приходится заново мазать крыши.

Агач-аул разбросал свои дома за горой Тарки-Тау, что отгораживает его от морского берега, в ложине, куда спускаются лесистые склоны кряжистых гор Атли-Буюнского хребта. К югу от Агач-аула тянутся знаменитые талгинские земли с целебными грязями, известными горцам с незапамятных времен. А обнаружили их, как рассказывают старожилы, самым неожиданным образом. Люди заметили, что больные животные, особенно собаки и буйволы, вдруг исчезали, а через неделю-другую возвращались совсем здоровыми. Стали следить, куда они путь держат, и так нашли эту, пахнущую за три версты тухлыми яйцами, целебную грязь. До недавнего времени каждый горец мог прийти сюда и полечиться, когда ему вздумается. Но откуда ни возьмись объявился некий Исмаил, – говорят, сбежал с гор, от близкого к небу трона. Построил он у этих самых грязей домишко и стал собирать дань с приезжающих полечиться больных, словно бы он и есть владыка целебного источника. Прошло каких-нибудь десять – пятнадцать лет, а он уже владел бесчисленными отарами овец, отгонными пастбищами, построил большую двухъярусную саклю из тесаного камня, а заодно воздвиг и мечеть с минаретом – это чтобы замолить перед небом накопившиеся свои прегрешения. Одним словом, разбогател человек невиданно, а поселение свое стал прозывать Исмаил-махи – хутор Исмаила. Людей на него работало видимо-невидимо: и чабаны, и земледельцы, и каменотесы. С рассвета до заката гнули на хозяина спину, а все из долгов вылезти не могли.

Исмаил умел втягивать людей в омут. Даже самых строптивых стреножил этой своей «добротой». «Возьми, – говорил он, – пожалуйста, семья у тебя большая. Только не забывай, что долг платить надо, я дам тебе два барана, ты вернешь три. Дам корову, вернешь с приплодом. Так будет угодно аллаху!»

Исмаил умел держать в страхе своих людей, вернее, умел, пока не объявились эти смутяны, да чтобы крапива повырастала у них в очагах, эти балшибеки – слово-то какое, почти башибеки.⁴ С их появлением чуть состояния всего не лишился, но, слава всевышнему, комиссарам подпалили хвосты, и власть опять вернулась к Исмаилу. Только вот надолго ли?.. Новые правители, уважаемые кунаки обнадеживали, что надолго. Однако на всякий случай Исмаил на этот раз решил не поскупились. Составил из своих людей вооруженный отряд, до ста сабель наберется, да и еще просят из соседних хуторов – он ведь как-никак платит, дает сразу при вступлении в отряд каждому по три барана, мешок кукурузного зерна и боевого коня. И люди служили ему верно. Хотя, может, и не очень-то все это им по душе, только что же делать: если время с ними не согласно, им самим приходится соглашаться с временем...

³ Хабар – весть.

⁴ Башибек – главный бек.

К северо-западу от Агач-аула, по дороге Петровск – Темир-Хан-Шура есть аул Атли-Буюн. Славен он мятежным духом своих жителей. В тридцатых годах прошлого столетия Бутырский пехотный полк и две казачьи сотни под командованием генерал-майора Таубе трижды атаковали этот аул и потерпели поражение, после чего возмущение горцев, возглавляемых первым имамом Казы-Муллой, стало расти и распространяться повсеместно.

Аул Атли-Буюн знаменит еще и тем, что летом его осаждают полчища змей, в большинстве своем ядовитых. Там-то и родился обычай съедать змеиное сердце, чтобы быть бесстрашным. И еще – это атлибуюнцы, а не кто другой, поймали некоего Капур-Рашида, выдавшего в сентябре в руки контрреволюции видных советских работников в Петровске; поймали, набили ему порохом задний проход и подожгли... Вот таков этот небольшой аул.

А дальше, в сторону Чир-Юрта есть еще один аул, Кумтор-Кала. Дрянной аул, полон бунтарей. Один род Коркмасовых чего стоит. Про них так и говорили – ни ногам, ни голове покоя не дают, к тому же и неподкупны, к рукам не приберешь. А каникусу⁵ Исмаилу это ох как не по душе. Он любит торжествовать над другими, покорять себе чужую волю, унижать просителей до ползания на коленях. Властолюбец из холуев, сам некогда ползавший на брюхе, теперь в одной упряжке с теми, кому горцы объявили войну. Все покорялись и покоряются ему. И только двоих не смог он ни покорить и ни подкупить. Одним был ныне покойный Али-Шейх, другим непокорным оказался сын некоего кузнеца с амугинских высот – Хасан из Амузги. Зато сотни других готовы явиться к нему по первому зову и исполнить любое приказание, хоть бы и сапоги с ног снять. Вот каков он – каникус Исмаил, толстый, что жертвенный бык, шея цветет прыщами и вечно потная, лицо круглое, набрякшее, – одним словом, жертвенное животное...

– Чей это облезлый ишак с дурным голосом?

– Исмаилов. Чей же еще?

– Ах, нашего Исмаила, как же я сразу-то не сообразил. Послушать приятно, какой у него красивый голос, – тотчас поправляется оплошавший было хуторянин.

Зато если ишак оказался бы принадлежащим какому-нибудь бедняку, этот же хуторянин непременно сказал бы, что эдакую дохлятину не грех и со скалы сбросить.

Боятся люди толстяка. Но страх не такая уж опора для сильного.

Почтенные горцы все еще не расходились. После похорон они вернулись в дом Али-Шейха, съели поминальный суп – бурчак-шурпу – и сидят сейчас у ворот на бревнах вдоль стен. К ним подходят всё новые люди, выражают сочувствие и тоже присаживаются, беседуют, щелкая в руках четками, и говорят о покойном. Все больше доброе говорят, воздают ему хвалу, ведь это он, Али-Шейх, нашел в себе смелость обратиться к белому царю еще в прошлом веке. И вот что он написал: «Чтобы народы моего края без всякого сомнения почувствовали бы все выгоды быть подданными державы просвещенной, искорените самоуправство служителей ваших. Считаю нынешний образ управления вредным обоюдно и для народа и для правительства...»

Говорили о покойном разное.

– Не слыхал я, чтобы уважаемый Али-Шейх когда-нибудь болел. Неужели под конец жизни хворь его одолела? – сказал кто-то из старцев.

– Нет, страданий болезни он не знал, только страждущих лечил.

– Как же это он так неожиданно ушел?

⁵ Каникус – брюхатый, буквально брюхонос.

– Старость, наверно... Аллах в таких случаях говорит: «Причину найдите сами, а душу возьму я».

– Да какой же он старый? Выглядел, как мой сын сегодня! Все в округе удивлялись его осанке и легкой походке... – это сказал Абу-Супьян из Шам-Шахара.

– Съел праздничного пирога, попросил постелить постель, лег и умер. Славная смерть...

– Тут что-то не то...

– Думаешь, отравили? Быть этого не может, потому что пироги ведь пекла сама Меседу...

– Такие времена пошли, что родному брату верить стало трудно, идешь с ним рядом и все оглядываешься. Между лопатками так знобит, будто брат вот-вот всадит тебе в спину кинжал...

– Да, времена беспокойные, что и говорить. Но он умер своей смертью. Просто сердце сдало...

– Осиротели горы! Такого человека потерять!..

– Да, пепел не вспыхнет, ушедшего не вернешь, – вздыхали те, кому, судя по летам, предстояло в недалеком будущем последовать за покойным.

Месяц, похожий на ломтик чеченской дыни, поднялся над Тарки-Тау. Стало светлее, звезды высыпали гурьбой, тучи рассеялись, потянулись к небосклонам. Ночь выдалась теплая... Сын покойного Али-Шейха Мустафа суетился, провожая тех, кто уезжал, и встречая тех, кто поздно узнал о беде, но хоть и на ночь глядя, а все же примчался, по обычаю, выразить сочувствие.

Вот в сопровождении нескольких своих спутников поднялся седобородый старец в бараньей шубе и в папахе из золотистого каракуля. Это Абу-Супьян, он обратился к Мустафе.

– У меня к тебе просьба, – сказал он. – Но прежде скажи мне, кто в роду моего друга Али-Шейха достоин возложить на себя бремя старшего?

– Я, уважаемый Абу-Супьян. Больше некому. Мне отныне платить на земле долги отца. Я слушаю тебя, почтенный... – склонив в знак уважения бритую голову, смиренно ответил Мустафа.

– Не знаю, правильно ли ты меня поймешь, сын мой...

– Да пусть будет поражен проклятой болезнью тот, кто не постарается понять старшего!

– Гордо говоришь, сын мой. Да и мог ли сын такого отца быть иным. Стоящий человек и в юности пожилой, а бездельник и в сорок лет шалопай.

– Я буду счастлив, если окажусь полезным.

– Не мне об этом говорить, всем нам был дорог покойный, да будет жить его имя среди тех великих имен, что хранит в памяти земля наша... Его мудрость и то, как он знал человеческую душу, достойны любой высокой похвалы... Что я в сравнении с ним? Заштатный служитель веры...

– Ваша звезда, почтенный Абу-Супьян, сверкает рядом со звездой моего отца...

– Благодарю тебя. Не знаю, как и приступить к моей просьбе.

– Не затрудняйтесь, уважаемый Абу-Супьян, я весь внимание.

– У незабвенного отца твоего был древний рукописный коран с медной застежкой?

– Почему был? Он и сейчас хранится в нашем доме.

– Я всю свою жизнь стал бы молиться за всех вас, сын мой, и за отца твоего, если бы ты удостоил меня чести стать владельцем этого корана... Мне хочется лишь одного: чтоб с этой книгой я унаследовал и знания и авторитет твоего отца... А тебе известно, сын мой, как порой необходима опора и вера людей, чтобы творить для них добро...

– Так это же реликвия нашего рода, – вмешался кто-то из дальних родственников, но Мустафа тут же перебил его – тот был моложе.

– Как ты смеешь вмешиваться в разговор, – сказал он, – и перебивать старших? Сходи-ка лучше да принеси эту книгу. Если есть на земле человек, святостью своей заслуживший унаследовать в память о моем отце этот коран, так это только Абу-Супьян.

– Благодарю тебя, сын мой... Я передам моим сыновьям – у меня их четверо – рассказ о твоём достоинстве и мужестве, – надеюсь, вы станете братьями.

– Я буду рад, почтенный Абу-Супьян. Вот она, эта книга. Храните ее.

– Пуще глаза своего буду беречь!

– В добрый час, Абу-Супьян!

– Спасибо!

Абу-Супьян попрощался со всеми, – не послушался тех, кто советовал ему остаться переночевать, а в путь пуститься с рассветом, – погладил бороду, пожал всем руки, раскланялся и, прижимая к сердцу под шубой драгоценный дар, потянул за уздечку свою старенькую лошадь и медленно двинул из аула в южную сторону. Велика была радость в душе почтенного старика. Пусть теперь ему завидуют все, возмнившие себя самыми истинными служителями веры, пустые брехуны. А их немало в его родном ауле Шам-Шахаре, прилипших к мечети, как смола к стволу дерева.

Странные гости

Всех гостей, конечно же, было не уместить на ночевку в доме покойного Али-Шейха. А потому, по стародавнему кумыкскому обычаю, некоторых, уходя, забирали с собой соседи, и не только соседи, все сельчане... Люди постепенно расходились, когда вдруг, нарушив тишину ночи, заиграл на земле конский топот и, поравнявшись с воротами, быстрый всадник осадил скакуна, легко спешился, отвернул край башлыка, обнаружив отметину на лбу, кривой, как клюв птицы, нос, черные усы над тонкими губами и квадратный подбородок со щетиной.

– Ассаламу-aleyкуа, жамиат⁶ Агач-аула! – сказал он громко. Это был не кто иной, как Саид Хелли-Пенжи, но его здесь не знали. – Почему не отвечаете на приветствие? – добавил приезжий.

– Да будет отвечено, если уж ты просишь, но сын мусульманина не вправе нарушать обычай отцов...

– Все рушится на этом свете, почтенные, о каком обычае разговор?

– Никто еще не въезжал в аул верхом. Уважающий людей должен спешиться еще за аулом. Вот о каком обычае речь...

– Пустое. Когда кусает змея, об укусе комара не вспоминают, почтенные. Но, простите, у вас, кажется, беда? Могу ли я узнать, кому воздаются почести?

– Одному из достойнейших среди нас, слава ушедшему Али-Шейху. Воздень руки и читай молитву.

– Что? О ком вы? Неужели это правда? – Если бы в этот миг мячом покатила перед ним шаровая молния, и тогда бы Саид Хелли-Пенжи не испытал такого удивления и досады.

– Да, правда. От нас ушел Али-Шейх.

– Молись, джигит. И знай: храбрость – это умение править не только конем, но и собой.

Саид Хелли-Пенжи прочитал молитву, провел ладонями по лицу, чему последовали остальные, затем, чтобы не раздражать народ, пожал всем по очереди руки, присел на бревно и, глубоко вздохнув, молвил:

⁶ Жамиат – общество.

– Всегда со мной так, почтенные! Всю жизнь не везет... Или прихожу слишком рано, или уже поздно... Нет чтобы явиться вовремя...

– Время – лисица, будь, говорят, борзой.

– Все в руках аллаха. Его воля править жизнью каждого.

– Хвала аллаху.

– Али-Шейх ждал меня. Он должен был меня встретить. Вот я явился, а его уже нет. Жаль, очень жаль...

– У тебя что, дело к отцу? – спросил Мустафа, подсаживаясь поближе к приезжему.

– Да, было дело, и очень важное.

– Говори какое.

– Что толку. Вряд ли мне теперь кто поможет.

– Я старший сын Али-Шейха, мне отныне платить на земле все долги отца.

– Долга за ним никакого нет. Я привез ему газырь, которого не хватало на его бешмете...

– Ты Хасан сын Ибадага из Амузги? – встрепенулся Мустафа.

– Нет, Хасан убит в Большом ореховом лесу.

– Что?..

– Кто сказал, что он убит?..

– Ты о Хасане из Амузги?..

– Сам видел его мертвым?

Все всполошились и заговорили о Хасане из Амузги: те, кто знал его, и те, кто, может, только краем уха слышал о нем.

У Саида Хелли-Пенжи сердце захолонуло. Если б не серп месяца, а солнце было на небе, не трудно бы заметить, как побледнело его лицо.

– Ты лжешь! Его уже не раз убивали, не раз, это правда. Но убить не удалось никому, ни губернатору, ни англичанам, ни имаму, ни шамхалу. Не поверим мы в его смерть, пока сами не увидим мертвым!..

– Я ценю вашу веру в него, и мне жаль вас. Вы все, наверное, знали его?

– Знали не все, и даже мало кто знал его, а вот слыхать слыхали о нем многое. Все горцы говорят, что человек он небывалой храбрости. На врагов такого страха нагонял...

– Да, брат мой был таким! Был, почтенные люди... Храбрость, что молния, живет мгновение...

– Так ты его брат?

– Да, двоюродный, – с легкостью солгал он.

– Отец говорил мне, что должен приехать Хасан из Амузги...

– Вот я и явился вместо него.

– Но мужество хабреца и не доят, и не седлают...

– Если селитра и сера будут согласны, они не оставят пули в ружье, – отпарировал Саид Хелли-Пенжи.

– Где газырь? Давай сюда и пошли в дом! – Мустафа перешагнул порог. Ночной гость последовал за ним протягивая газырь.

Мустафа приложил его к газырям отца и сказал:

– Теперь я слушаю тебя.

– В этот газырь заложена бумага. В ней, по-моему, все сказано, – проговорил Саид Хелли-Пенжи, которому ох как не терпелось узнать, что за тайна скрывается в тех словах.

Что делать – аллах не дал ему знаний, и не умеет он по мудреным закорючкам, называемым письменами, читать чужие мысли. Аллах знает, что делает. К его бы способностям да еще и умение читать и писать – несдобровать бы тогда горцам...

Мустафа достал записку и начал читать. На лицо легла тень недоумения и настороженности. Он вновь и вновь перечитал записку. Сомнения не было, речь шла о том самом коране

с медной застежкой, что увез Абу-Супьян. В записке черным по белому было написано, что отцу его надлежит передать этот коран в руки гонца с газырем.

– О каком коране здесь речь? – на всякий случай уточнил Мустафа.

– Я ничего не знаю, мне не дано прочесть, что там написано. Если речь идет о коране, значит, есть такой коран.

– У нас в доме был коран с медной застежкой...

– С медной, а не золотой?

– С медной...

– Где же он, если был?

– До захода солнца я передал его в руки уважаемого Абу-Супьяна. Одному из любимых друзей моего отца.

– Это который же Абу-Супьян, не из Шам-Шахара ли?

– Да, он самый.

– Беда, брат мой, беда. Ты не имел права распоряжаться этим кораном! – не на шутку встревожился Саид Хелли-Пенжи.

С этими словами он вскочил в седло. Сейчас ему и вовсе не было дела до укоров почтенных агачаульцев.

– Надеюсь, следы коня Абу-Супьяна я найду на этой стороне? – и Саид показал на юг.

– Да, там...

– Прощайте! Мне надо спешить! – крикнул он и ветром унесся из аула. «Чем горячее огонь, тем дальше приходится засовывать руки в него», – с досадой подумал Саид Хелли-Пенжи.

Недовольно посмотрели ему вслед люди.

– Станный кунак, очень странный. У тебя он не вызвал недоверия, сын Али-Шейха?

– Удивительно, но и мне он показался каким-то странным, – ответил Мустафа. – Уж очень глаза у него бегали и все лицо выражало подозрительную тревогу.

– А что ему понадобилось от тебя? Если это не семейная тайна, может, расскажешь, в чем дело.

– Да нет тут никакой тайны. Ему тоже вдруг понадобился коран с медной застежкой.

– Вах, вах, не тот ли самый, что ты великодушно отдал Абу-Супьяну?

– Другого такого у нас нет и не было.

– Тут что-то не то... Боюсь, с этой книгой связана какая-то тайна.

– Не думаю. Если бы тут была какая-нибудь тайна, отец не скрыл бы ее от меня...

– Чует мое сердце, быть беде...

– Не надо гадать, почтенный. Да будет милостив аллах и избавит людей от бед и горя...

– Может, в этом коране тайна святости владельца его?

– Не знаю. Лучше бы я захоронил его вместе с отцом.

– А отец завещал тебе так поступить?

– Нет. Он же ничего не успел сказать.

– Да, тут все что-то странно... Сколько войн я пережил в нашем краю, но так тревожно на душе у меня никогда не было. Поверите ли, почтенные люди, словно бы мне подарили какую-то радость, а я вот ее теряю... Хочу уберечь, но не ведаю как!

– Старость это, почтенный, старость. Мозг твой серым стал, вот тебе и мерещится счастье. В молодости его не было, а на старости хоть бы и явилось, так на черта оно...

– Может, и пригодится. Ты будто знаешь, какое оно, словно купался в его голубых лучах.

– А ты знаешь?

– Не знаю.

– Ну так и замолчи. Не будоражь людям души. Выдумал еще – голубые лучи. Счастье у каждого свое бывает, как и папаха.

- А у меня вот и папахи нет. Может, в ней бы отыскал счастье...
- В папахе что другое найдешь, только не счастье.
- Ты что это, собачий сын, насмехаться надо мной вздумал?
- А чего глупости говоришь?
- Глупее людей, чем в твоём роду, нигде не было, ослиное отродье!
- Что ты сказал?
- То, что слышал!
- Да я из тебя душу вытрясу! Правду говорят, дом вороны отыщешь по карканью.
- Сдержите их, люди! Что они, ума лишились? Где это видано, чтобы счастье искали в

драке.

Два человека почтенного возраста и правда чуть не сцепились друг с другом. Не миновать бы беды, не вмешайся в их свару Мустафа:

– Очнитесь, люди! Вспомните, где вы находитесь. Хотя бы один день чтите память Али-Шейха.

Едва ли ссора улеглась бы от этих слов Мустафы, но тут вдруг подошел какой-то человек. Стройный, в белой черкеске с газырями из слоновой кости, в рубашке с застегнутым до самого подбородка воротом, на черкеске пояс кубачинской работы, на поясе оружие: кинжал и наган в кобуре; на голове белая чалма с красной лентой, красный башлык, лицо волевое, грустное, но благородное, широкие плечи, мужественная осанка, на ногах хромовые сапоги. Он вел на поводу белого коня, через седло которого был перекинут завернутый в бурку человек. Пришелец молча сделал знак, чтобы помогли снять ношу. Люди бросились к нему. Сняли бурку, положили на землю, развернули и... ахнули. На ней лежал бездыханный Абу-Супьян!..

Да, это был Абу-Супьян. Не только Мустафу, всех потрясло случившееся. Мустафа в душе укорял себя, что отпустил старика одного. «Ведь мог же послать с ним племянника, – думал он. – Не было бы тогда беды».

Мустафа обернулся к тому, кто привел белого коня с черной ношей.

– Его убили? – спросил сын Али-Шейха.

– Да. Вы знаете этого человека?

– Как не знать уважаемого Абу-Супьяна, он только перед заходом солнца распрощался здесь с нами!

– Я нашел его распростертым на молитвеннике у родника в Талгинском ущелье.

– О мусульмане! Убить человека во время молитвы! Что может быть подлее. Кто же его убил?

– Вот я бы тоже хотел это знать.

– Кто ты? – спросил настороженно Мустафа.

– Я Хасан сын Ибадага из Амузги.

– Что?..

– Ты Хасан из Амузги?

– Почему это вас удивляет? Да, я – Хасан из Амузги, к вашим услугам, приехал приветствовать почтенного Али-Шейха и пожелать ему доброго здоровья на много лет...

Люди окружили человека в белой черкеске. Мустафа готов был броситься на него и схватить за горло, но не дремал и тот, кто назвал себя Хасаном из Амузги. Стройный, легкий, готовый к отпору, он настороженно оглядел всех, попятился назад, и в мгновение ока в руке его уже был наган...

– Вы что, люди, рассудка лишились?! Не спешите. Разделаться с недругом никогда не поздно. В наших горах и без того немало людей погибает по недоразумению. Призовите-ка лучше на помощь рассудок. Не шутите, почтенные, и попросите сюда Али-Шейха. Он вам объяснит, кто я!

– Тебе, выходит, неизвестно, что уважаемого Али-Шейха уже нет среди нас?

– Что с ним? И его убили?

– Нет, он умер своей смертью. Мы сегодня похоронили его.

– О аллах! А кто же теперь несет бремя старшего в его роду?

– Я, Мустафа, его сын. А ты бы лучше сказал истину, кто ты есть.

– Я уже сказал вам, Хасан сын Ибадага из Амузги, вот кто я.

– Хасан из Амузги убит в Большом ореховом лесу, об этом нам сообщил его брат.

– Я так и думал. И давно он убрался отсюда?

– Кто?

– Тот, кто назвался моим братом? Трусливый шакал ему брат, а не я!

– Не больше часа назад. Он здесь долго не задерживался.

– Что ему нужно было у вас?

– Сначала мы хотели бы знать, что нужно тебе?

– Надеюсь, это о чем-нибудь скажет, – Хасан из Амузги сунул в ладонь Мустафы газырь. Тот раскрыл ладонь и еще больше растерялся.

– Но точно такой же газырь дал мне и человек, назвавшийся твоим братом.

– Это не тот газырь, который должен был быть предъявлен. Да и нет у меня никакого брата! Это матерый волк – Саид Хелли-Пенжи, он украл у меня газырь с запиской. И ты, конечно, отдал ему коран с медной застежкой?

– Нет.

– Очень хорошо сделал. Рукописный коран твоего отца нужен мне сейчас, немедленно!..

– Нет его у меня...

– Как нет? А где же коран?

– Абу-Супьян попросил отдать ему, и я не смог отказать столь уважаемому человеку.

– Ты вручил ему его смерть!

– Нет, нет! Я и не думал об этом! – вскричал встревоженный Мустафа. – Прошу, не обвиняйте меня, я ни о чем не ведал. Хоть бы знать, кто его убил? Если ты Хасан из Амузги, ты должен знать, кто убил Абу-Супьяна. Мы отомстим. Я и четверо его сыновей! Говори – кто?

– Да что теперь говорить! Эх, не повезло же!..

– Кому не повезло?

– Мне. опередил этот выродок, зверь двуногий.

– О ком ты?

– О том, кто назвался моим братом. Это он убил Абу-Супьяна.

– Кто «он»?

– Я же сказал – Саид Хелли-Пенжи. Прощайте, мне надо спешить. Передайте сыновьям Абу-Супьяна мое сочувствие. А вы, почтенные агачаульцы, запомните: пуля для Хасана из Амузги еще не отлита, не торопитесь меня хоронить. До встречи... Мустафа сын Али-Шейха, я бы сам отправился с тобой к сыновьям Абу-Супьяна, но мне очень надо спешить. Время дорого...

Да, это истинно был Хасан из Амузги, Хасан из древнего рода кузнецов. Недаром говорится, что первым человеком на земле был кузнец – имеющий дело с огнем.

– Хасан из Амузги, скажи мне, не скрыта ли тайна в этом коране? – спросил Мустафа.

– Ты угадал.

– И отец не открыл мне ее!

– Не упрекай досточтимого Али-Шейха. Значит, так было надо. Будь здоров! И вам долгих лет, почтенные! Хасан сын Ибадага из Амузги вам этого желает.

И он ушел, ведя на поводу свою белую лошадь, и оставил растерянными еще более взволнованных агачаульцев. Столько всего обрушилось на них за день. И разобраться трудно. События вроде и не связаны между собой, а если вдуматься, все скручено в один узел.

Хасан из Амузги, сын кузнеца, окончил кубачинское медресе, потом реальное училище. Он знал арабский и русский языки, а в кузне бакинских рабочих, как говорили его сородичи, выковал себя до полной силы. Хамшари – друг по несчастью. Так бедняки бакинцы называли людей, приезжающих к ним на заработки. Нефтепромышленники драли с пришлых хамшари семь шкур. Потом добытый кусок хлеба застревал в горле. Так было, пока возмущение униженных не вырвалось наружу, пока все бедняки не сплотились и не восстали в едином порыве против дворцов и их владельцев. А рабство на этих кустарных нефтяных промыслах Кавказа, по утверждению некоего паранга,⁷ доходило к тому времени до таких пределов, что человека там поистине превращали в тягловый скот. Жизнь была подобна аду: по семьдесят – восемьдесят душ обитали в одном грязном бараке, в темноте, в сырости, в холоде. Болезни уносили сотни жизней. Нищета была непередаваемая, а штрафы росли и росли. Драли их за все: за медлительность, за курение во время работы, за поломку колеса, за обрыв приводного ремня... Работали люди по колено в грязи, чаще босые или в лаптях из сыромятной кожи, которые от сырости растягивались до невероятных размеров, отчего ноги тяжелели, а тепла никакого не было. Колеса на вышках крутили и люди и лошади, умирали тоже и люди и лошади. А саваном людям служили бязевые кушаки, которыми были обмотаны латанные-перелатанные бешметы.

В эти места царские власти все больше ссылали непокорных из центральных губерний России. Правительство оставляло без внимания просьбы местной администрации о том, чтобы во избежание беспорядков в среде промысловых рабочих прекратили или хотя бы ограничили приток ссыльных.

Можно представить, какой гнев рождался в душах обитателей эдакого ада. И гнев этот не раз вырывался, как пламя из зева земли, пока наконец не поднялось настоящее восстание, в огне которого закалился и Хасан из Амузги сын Ибадага, тоже ушедший в жизнь на поиски счастья. Он стал среди горцев почти легендарным. Трижды осужденный на разные сроки тюремного заключения, дважды приговоренный к смертной казни через повешение, Хасан всякий раз чудом спасался. Один раз спасла его дерзкая смелость, а во второй раз из петли, что была подвязана к нефтяной вышке, Хасана вызволили верные друзья... Вот почему и слагались легенды, будто он наделен способностью воскресать из мертвых.

Человек риска и необыкновенной храбрости, Хасан из Амузги тем не менее на всю жизнь запомнил урок, данный ему комиссаром Али-Багандом, человеком железной воли, закаленным в суровом горниле битв за счастье народа. Он был популярен как первый командир революционного кавалерийского полка, храбро сражавшегося за власть Советов на Северном Кавказе не только в горах Сирагинских, но и в горах Табасаранских и в степях кумыкских.

Посылая однажды Хасана из Амузги на выполнение особо важного задания, Али-Баганд рассказал ему о случае, что произошел как-то с ним самим в Большом ореховом лесу, где во все времена кишмя кишели всякого рода головорезы и грабители и куда, под видом абреков, просочились ищейки имама из Гоцо и князя Тарковского. Али-Баганд вез прокламации, обращенные к горцам, служившим в отрядах и полках имама и князя. Прокламации призывали всех, кому дорога свобода народа, кто не желает быть в рабстве у богатеев, князей и других

⁷ Паранг – француз.

власть имущих, кто не намерен укрываться в скорлупе своего личного благополучия, в это тяжелое для советской власти время, когда она истекает кровью, вступать в отряды красных бойцов. В прокламациях не скрывалось, что вопрос, быть или не быть, стоит перед народом острее, чем когда бы то ни было.

Али-Баганд мог бы все это сказать словами, но очень уж велика была у горцев вера в написанное на бумаге, да еще арабскими буквами. Вот почему и повез Али Баганд прокламации, рискуя жизнью. Ехал он на арбе, запряженной облезлыми быками. Драгоценный груз был спрятан под мешками с ячменем и кукурузой. Али-Баганд словно бы возвращался с базара из Таркама, куда нужда и большая семья погнали его с гор в такую лихую пору. Очень скоро конные головорезы остановили его, отняли зерно, содрали черкеску, не дав ему времени вынуть из ножен кинжал, и приказали, себе на потеху, плясать, обещали, коли спляшет, вернуть ему арбу. Что оставалось делать Али-Баганду, в арбе-то ведь под мешками прокламации. И он заплясал, хотя прежде никогда в жизни не плясал, и не потому, что не мог, а просто не до того ему было. Вокруг поднялся дикий хохот, хлопали в ладоши, подбадривая танцора, радовались тому, что дано им унижить человека, посмеяться над ним... Али-Баганд выбился из сил, остановился, глянул на своих мучителей – не довольно ли с них, но не тут-то было, абреки вошли во вкус и заорали:

– А теперь танцуй женский танец.

Али-Баганд побагровел, и он уже готов был броситься на краснолицего наглеца, что стоял ближе всего, и задушить его в руках на весу, но вовремя сдержал себя: что толку, ведь и его тогда пристрелят, а он непременно должен довести до конца порученное ему дело. Пришлось пренебречь своей обидой и злостью и, более того, притвориться смиренным.

– Так я ведь и танцевал женский танец, – сказал он, – умей я танцевать мужской танец, разве довел бы вас до такого смеха!..

Обалдевшие абреки не поняли скрытой иронии, они снова загоготали и отпустили Али-Баганда с его арбой. Так прокламации были доставлены туда, куда надо...

Хасан из Амузги понял, к чему клонил в своем рассказе комиссар, и с тех пор, несмотря на буйность характера, зарубил себе на носу: во имя главной цели надо избегать безрассудства, ради этого не грех иной раз и самому отважному мужчине сплясать женский танец.

Вот каким он был, Хасан из Амузги сын Ибадага.

Глава вторая

Хозяин талгинского хутора

Исмаил, как вы уже знаете, некогда тоже был бедняком. Он родом из того самого аула нищих, где девушка выходила замуж только за того, кто попрошайничал в других аулах – дал изгрызть собакам не меньше четырех палок.

Ему долго не везло. За что бы ни брался, все у него выходило не так, как у людей. Зная всего две суры из корана, он столь рьяно молился, что продырявил не один молитвенник, а в святые не вышел. Не раз взывал к аллаху: «Если ты есть творец добра, то где же оно, твое добро? Почему так несправедливо распределено? Почему зла на земле во сто крат больше, чем добра?..» Не получив ответа на свои многочисленные вопросы, Исмаил усомнился в могуществе неба и спустился с гор в предгорье, словно бы покинул трон небесного владыки, и, как ласточка вьет себе гнездо, слепил небольшой домик на земле, что у самой лечебной грязи. А вскорости, прикинув, что к чему, почувствовал вдруг себя земным владыкой, заявил всем в округе, что всех, кто без его ведома воспользуется грязью, не минует смерть.

Чего не сделает болезнь? Люди вынуждены были лечиться. И они шли на поклон к Исмаилу. Так-то он и стал богатеть. И очень скоро пошла гулять окрест его любимая поговорка: «Кошка ловит мышь не для аллаха, а для брюха». А брюхо, надо сказать, он отрастил изрядное, словно бочку вина перед собой носил. И очень это ему досаждало. Горевал Исмаил не только о том, что толст и что неплохо бы серину с головы сдуть. Он частенько мечтал скинуть бы и годков эдак тридцать. Но при этом забывал, что тридцать лет назад его никто знать не знал, даже собаки не замечали. Нет, Исмаил хотел, скинув годы, остаться таким же богатым и обладать всем, что имеет. Советская власть было лишила его несправедливо нажитого добра. При чем советская власть предстала перед ним на его хуторе в образе двоюродного брата – Хажи-Ахмада, бывшего батрака, ставшего председателем ревкома. Исмаил тогда сделался тише воды, ниже травы, старался казаться угодливым. Если, мол, Хажи-Ахмад желает жить в его сакле, пожалуйста, почему нет. Если пастбища и отары хочет раздать людям, тоже пожалуйста, о чем разговор. Решив, что все пропало и ждать лучших дней нечего, он сдался, хотя горевал, что вот ведь был богатым человеком, в отарах не сосчитать было овец, а Хажи-Ахмад, наоборот, был так беден, что и ветру бы нечего вымести из его сакли...

Однажды, правда, Хажи-Ахмад все же разжился – приобрел одну овцу, то ли хуторяне над ним сжалились, то ли мечеть, – и попросил он Исмаила взять овцу в свою отару на зимовье, в надежде, что по возвращении баранты в горы будет у нее приплод. Исмаил не отказал ему в этом. Но когда отара вернулась на летние пастбища, оказалось, что волк по дороге зарезал одну овцу и, как утверждал Исмаил, это была именно овца злополучного Хажи-Ахмада.

– Судьба, выходит, твоя такая! – с деланным сочувствием сказал тогда Исмаил, обращаясь к двоюродному брату.

– Да, – задумчиво молвил Хажи-Ахмад, – трудно, наверное, было бедняге.

– Кому? – сдерживая усмешку, спросил Исмаил.

– Как кому? Волку. Легко ли в тысячной отаре отыскать именно ту овцу, которая принадлежала мне!

И ушел тогда из аула Хажи-Ахмад, ни слуху ни духу от него больше не было. Но вдруг, когда отрекся белый царь от престола, а вслед за ним и Керенский полетел, Хажи-Ахмад объявился в горах, да не кем-нибудь, а председателем ревкома на всей Талгинской долине. Они-то

и поделили вместе с Хасаном из Амузги все, чем владел Исмаил, – пастбища, поля и отары – между бедняками...

И вдруг вернулась к Исмаилу радость: под натиском контрреволюции пала советская власть. Большевики покинули аул, уехал и Хажи-Ахмад, оставив жену свою в сакле Исмаила...

Тут-то и проснулся в Исмаиле зверь. Он вернул себе все, что у него отобрали, и даже больше того. А уж куражился, не одну семью заставил слезами обливаться.

– Вы все отныне мои ралиты,⁸ – заявил он, – а ралиты обязаны отбывать повинность. Вот и будете каждый по три дня на пахоте работать, потом тоже по три дня на жатве, на сенокосе, на доставке дров, и так на всех видах работ...

Но это еще не все. Позвал он однажды к себе жену бывшего председателя ревкома, а своего двоюродного брата Хажи-Ахмада и приказал, да еще и при гостях – смотрите, дескать, каков я:

– Сними-ка с меня сапоги!

Горянка удивленно уставилась на него и не повиновалась.

– Ты что, оглохла? Кому говорю, сними сапоги! – взревел Исмаил.

– Ты мне не муж и голоса на меня не повышай, – с достоинством проговорила женщина.

– Ха-ха! Слыхали, голоса на нее не повышай! Большевистская подстилка! – Исмаил вскочил и огрел ее плетью. – На колени, сука!

И он заставил ее пасть на колени перед ним, не убоившись людского упрека, что вот, мол, до чего дошел, меряется силой с женщиной.

А наутро, хотя в душе было опасение, что ему, чего доброго, такое, может, и не сойдет, Исмаил велел вывесить шаровары жены председателя ревкома всем на обозрение на базарной площади: вот, мол, вам ваш позор, большевики. Горянка не перенесла оскорбления, бросилась со скалы в пропасть и погибла.

С того дня Исмаил готов был на любые жертвы, только бы не вернулись большевики, одно упоминание о которых бросало его в дрожь. Он одарил всех, кого мог, – раздал свою баранту – только бы оберегали его, нанял людей, вооружил их и превратил свой хутор в неприступную крепость, с часовыми и верховыми дозорными. Но покоя у Исмаила тем не менее не было. Да и не удивительно, если самыми приближенными людьми у него были изгнанный аульчанами за воровство Мирза из Нараула, человек, о каких говорили «может из могилы саван выкрасть», и одноглазый борец Аждар из аула Хабдашки, опозорившийся среди других борцов тем, что применял недозволенные приемы, за что его ослепили на один глаз и к тому же пообещали, если осмелится снова выйти против соперников, второго глаза лишить. Исмаил подобрал этих отверженных и удостоил особого доверия – поручал им самые темные дела, вплоть до убийства.

В последнее время и Мирза и Аждар занимались главным образом тем, что добывали оружие, так как пока еще не все Исмаиловы люди были вооружены.

Этой ночью они вернулись из очередной своей вылазки в Порт-Петровск.

– Сколько вы достали оружия? – спросил Исмаил, приглашая их отведать мяса, отваренной бараньей головы.

– Четыре винтовки и два нагана, – доложил Мирза.

– И еще один маузер, только Мирза хочет его присвоить, потому и не говорит о нем, – объявляет Аждар, усмехаясь своим налитым кровью единственным бычьим глазом.

– Уважаемый Исмаил, этот маузер с патронами я оставляю для себя, – водянистые, с набрякшими веками глаза Мирзы жадно впились в блестящую деревянную кобуру.

– А ну дай-ка его сюда! – рывкнул Исмаил.

– Исмаил; прошу тебя... Я добыл его, рискуя жизнью...

⁸ Ралиты – подневольные, зависимые.

– Мяукай не мяукай, ты не моя кошка! – Исмаил схватил Мирзу за нос. – Положи сюда. О, да он новенький! Откуда такой? Кому он принадлежал?

– Человеку в кожанке.

– Большевику?

– Похоже, он был из комиссаров.

– Значит, большевик. Ты убил его?

– Не знаю. Я залез в один дом, на второй этаж, смотрю, там человек спит. А оружие лежит на столе. Я взял его. А когда хотел сундук открыть, человек проснулся, пришлось выстрелить в него. После этого я выбросился из окна и...

– Верен ты, я вижу, своей привычке. Ну что ж, и это добро... А маузер останется у меня. Ты себе еще достанешь. Какой же я хуребачи,⁹ если у меня не будет такого оружия?.. – И Исмаил приспособил кобуру с маузером себе на пояс. – Ну и тяжелый же, черт бы его побрал! – крикнул он довольно. – Ничего, зато вид солидный, теперь не стыдно и турка встретить...

– Он один едет?

– Не знаю, может, и один. Хотя в такое смутное время, да еще офицер, едва ли он решится ездить один. Надо его достойно принять. К тому же из Астрахани вернулся мой племянник, царский офицер.

– И где же он сейчас?

– В Петровске задержался. Слыхал я, правда, что он вроде бы с большевиками снюхался, но я не верю в это. Он всегда любил и уважал меня и сейчас будет делать то, что я от него потребую. А вы сегодня не очень-то разжились. Винтовки мне не нужны. Я же говорил, что мне бы пулеметов или пушек. На каждый бы угол крыши поставить...

– Да что ты! – ахнул Мирза. – Крыша провалится. Ведь такая тяжесть.

– Да и как их поднимешь на крышу? – поддакнул Аждар.

– Поднять-то бы можно, но кто стрелять из них станет, это ведь не наган.

– Пока что надо сначала достать их, а затем и стрелять научимся: коли придут на подмогу кошки, и мышиную силу преодолеть можно. – Исмаил вдруг насторожился: – Тихо, слышите... Кто-то скачет. Да, да, именно к моему дому скачет. Не турок ли легок на помине, да чтоб в роду его все передохли. А может, племянник мой, Сулейман? Хорошо бы. Он офицер, вот ему бы я и передал командование моими людьми. А ну, быстро в ту комнату. Чтоб ни слуху ни духу вашего не было!

Исмаил показал им на дверь в смежную комнату и вышел встречать поздних гостей.

Не отворяя ворот, он крикнул:

– Эй, кто бы вы ни были, надеюсь, зла не таите! Но хотел бы я знать, кто осчастливил меня?

– К тебе мы, уважаемый Исмаил. Дело у нас. А зла к тебе нет никакого.

– Знакомый вроде голос, а угадать чей не могу...

– Встречаться нам с тобой еще не доводилось, но я буду рад знакомству с таким ученым человеком.

– А что за дело у тебя ко мне? – Исмаилу очень польстило услышать в свой адрес высокое слово «ученый».

– С каких это пор, еще не открыв ворота, горец спрашивает кунака о деле? Не думал я, что столь уважаемый в округе человек, как ты, Исмаил, способен на это. Что же, мы уйдем искать следы копыт своих лошадей, только скажи нам, где еще поблизости есть человек, умеющий читать коран...

– Вы что, пугать меня вздумали? Да я вас сейчас! Вот только свистну, и мои бойцы...

⁹ Хуребачи – начальник, командир крепости.

– Ты не понял нас, почтенный Исмаил. Нам срочно нужен человек, который может прочитать некоторые родовые надписи на полях одного корана...

– Так бы давно и сказали... Лучшего, чем я, чтеца вам едва ли найти...

Чтение Корана

Ворота наконец открылись, и во двор въехали трое. Один был Саид Хелли-Пенжи, а двух других он, видно, где-то подобрал по дороге. Саид Хелли-Пенжи находил друзей так же легко, как и терял их.

Исмаил взгляделся в гостя. Лицо квадратное, безусое, но щетинистое, темное и шрам на лбу. Брови густые, широкие, губы тонкие, плотно сжатые, желто-воскового цвета подвижные глаза, на голове папах из стриженной овчины. И все это на непомерно толстой шее.

– Мы прослышали о твоей большой учености, почтенный Исмаил, и только поэтому осмелились потревожить тебя, – проговорил Саид Хелли-Пенжи, заметив при этом, как внимательно рассматривает его хозяин дома.

– А мои дозорные что ж, разве вас не встретили? – несколько удивленный спросил Исмаил.

– Они, видно, немного задремали, – улыбнулся в ответ Саид Хелли-Пенжи.

– Но ничего, завтра я им припомню, что сладко, а что горько. Проходите, гости.

– Спасибо, уважаемый, да не иссякнет радость в этом доме, у нас очень мало времени.

– Могу ли я узнать, кто вы?

– Люди, ищущие добро.

– Хорошо сказано. Все живые ищут добро.

– Но не все его находят, хочешь ты сказать?

– Что верно, то верно, каждому небо дает свое. А не знаешь ли ты, что приключилось с тем, кто хотел расширить дыру своего благополучия?

– Не доводилось слышать.

– Был такой случай, во сне одному бедному сапожнику явился ангел и, показывая на разного размера дыры в худом сите, сказал, что это судьбы людские. «А твоя, – сказал он сапожнику, – вот эта», – и ангел показал на самое маленькое отверстие в сите. Бедняк, у которого в эту минуту в руках оказалось шило, решил немного расширить пределы своей судьбы и... проснулся с диким криком. Шило, которое и правда было у него в руках, сапожник воткнул себе в ноздрю. Ха-ха! Вот ведь как бывает!..

– Да, бедняку и во сне не везет.

– Ой, не говори! Я и раньше даже и бедняком-то не был. Ведь для того, чтобы называться бедняком, тоже надо что-то иметь, а у меня вообще ничего не было.

– Да, почтенный Исмаил, аллах над тобой смилостивился.

– Э, нет! Аллах не поможет, если у самого у тебя нет этих, как их называют...

– Добрых всходов...

– Вот, вот! А как твое имя?

– Саид Хелли-Пенжи.

– Так это ты и есть! Слышал я о тебе, гроза Кара-Кайтага. Это, выходит, я тебя остерегался, не посылал своих отар через Большой ореховый лес?..

– Зря боялся, – пробормотал Саид Хелли-Пенжи, а про себя подумал: «Если бы кто явился с твоим именем, я бы его на первом суку сушиться повесил».

– Ну это ты сейчас так говоришь, когда нужда у тебя во мне. Знаю я вас, абреков.

– Каждый добывает свой хлеб, как умеет, – прикинулся обиженным Саид Хелли-Пенжи.

– Да ты не сердись. По мне, абрек лучше, чем большевик. Абрек если и возьмет, то не все, а большевики, того и смотри, дотла разорят...

– В доме, надеюсь, никого больше нет? – перевел разговор ближе к делу Саид Хелли-Пенжи.

– Есть, как же нет. Жена и дочери мои. Они, правда, все спят давно. А у тебя что, тайна какая? Выкладывай давай. Очень я их люблю, тайны всякие...

– Да нет у меня никакой тайны. Вот коран у нас, на полях которого на какой-то из страниц должно быть написано... об отце этого человека, – придумал на ходу Саид Хелли-Пенжи, глянув на одного из своих спутников. – Мы его ищем, говорят, богатый он. Может, тут обо всем и написано?..

– Дайте-ка сюда, а вы садитесь да ешьте, налегайте на мозги, они вкуснее всего, я их очень люблю.

«Оно и видно, что у тебя бараньи мозги», – подумал про себя Саид Хелли-Пенжи.

Исмаил принялся рассматривать книгу.

– Коран рукописный, – сказал он наконец, – я его где-то вроде видел. А чем вы, кстати, заплатите мне за чтение?

– Да разве это такой уж большой труд? – удивился Саид.

– Труд не труд, а сами-то вы не прочтете. Ну, а раз я должен трудиться, значит, мне следует плата. Так сколько же вы дадите?

– Золотой десятки, я думаю, тебе хватит?

– Да вы посмотрите, какая она, толстенная, книжища-то эта. И две десятки не много.

– Ладно, полторы.

– Нет, две. Вы уж не скупитесь.

– Пусть по-твоему. Только давай скорее приступай к делу.

– Легко ли перелистать столько страниц? – Исмаил придвинул к себе лампу и раскрыл книгу. – Все читать или только надписи на полях? – спросил он.

– Нет, нет, все незачем.

– Так... А тут много любопытного.

– Что, например?

– Вот смотри, что написано: «Никакое добро не приносит человеку столько радости, сколько то, что добыто из-под собственных ногтей!» Верно ведь... Мудрый человек писал.

– Дальше, дальше.

– А здесь написано о беде...

– О какой еще беде?

– «Разгневался аллах на людей, – написано тут, – и послал он им великое испытание, больше половины всех, кто лежит на кладбище, умерли от землетрясения. И им легче, чем нам, живым. Нам негде и не на что жить, не на кого надеяться... Аллах всемогущий, пошли и нам смерть, будь милосердным...»

– Это не то...

– А книга, я должен сказать, очень занимательная. Вот здесь написано о рождении сына, Мустафы, здесь о траве какой-то, которая лечит раны, тут о лунном затмении... А вот совсем свежая надпись: «Был в ауле Куймур и видел там красавицу дочь слепого Ливинда. Восхищен я и горд, что на нашей земле растут цветы, достойные украсить трон любого падишаха, и как жаль, что такой красе, скорее всего, суждено прожить в бедности и неизвестности. Аллах, будь милостив к этому расцветшему цветку...»

– Дальше, дальше. Все это нас не волнует.

Исмаил еще долго читал разные разности, и Саид Хелли-Пенжи все говорил: «Дальше, дальше». Но вот вдруг прозвучали слова, которые сразу насторожили слушателей:

– «...Шкатулка с тайной закопана у древней Куймурской крепостной башни, там, где растет...» – произнес Исмаил и добавил: – Это, по-моему, вам тоже не интересно?..

– Читай, читай, это любопытно...

– Да, очень любопытно, интересно, что за шкатулка, а?

– Читай же!

– «...там, где растет одинокое ореховое дерево. От него на юг, в сторону Кибла, надо пройти три шага, затем повернуть к восходу солнца и еще пройти семь шагов, и упрешься в надгробную плиту, под которой никто не захоронен. Под ней и следует копать...» – Исмаил замолк.

– Дальше, дальше! – нетерпеливо подгонял Саид.

– Все. На этом надпись обрывается.

– Благодарю тебя, почтенный Исмаил, это нам и надо было знать... – Саид Хелли-Пенжи резко выхватил из рук хозяина книгу и поднялся, собираясь выйти.

– Ты, надеюсь, не забудешь уплатить мне?

– Непременно получишь свое, почтенный Исмаил. Дай только клад вырыть, не два, а три золотых тебе отвалю...

– Но мы ведь договорились... К тому же я придерживаюсь того мнения, что сегодняшнее яйцо лучше обещанной на завтра курицы.

– Ничего, потерпишь и до завтра. С голоду не пропадешь. Дети твои хлеба не просят. Потерпишь, тебе же лучше. Кстати, ты нас не знаешь, и мы тебя не знаем. Заруби это себе на носу. Ни один человек не должен знать об этой тайне, понял, иначе...

– Я требую платы... – стоял на своем Исмаил.

– Тебе все сказано, старик. Не увеличивай нору жадности в своем сердце.

– Вот не думал, что люди могут быть такими недостойными. Обмануть старика! А что, если я вас не выпущу?..

– Но, но! Придержи лучше свой язык, не зли нас, не то... Пошли-ка. – Саид Хелли-Пенжи отстранил рукой возмущенного Исмаила, пропустил вперед своих людей и сам последовал за ними.

Едва топот их коней заглох, Исмаил, куда девалась его злость, довольно улыбаясь и потирая руки, вернулся в комнату, где его ждали верные нукеры. Они о чем-то перешептывались между собой. Исмаил, если ему надо было предпринять что-нибудь важное, имел обыкновение так повести разговор, что идея предприятия исходила как бы не от него. Вот и сейчас как ни в чем не бывало он спросил:

– О чем это вы?

– Да так.

– А все-таки, о чем вы шепчетесь?! Не тянуть же мне вас за язык!

– Клянемся твоим драгоценным здоровьем, мы так, о пустом говорили.

– О, чтоб ваш род на корню иссох, говорите же, в чем дело? – притворно сердился Исмаил, зная, что через минуту-другую ему представят целый план действий.

– Да как тебе сказать... Правда, ты наш хозяин, а мы твои услуги – и, пока живы, верны тебе, а потому и скрывать нам от тебя ничего нельзя. Но...

– «Но», «но»! Что за «но»? Объясните вы наконец или нет?

– Да боимся мы, вдруг не позволишь...

– Что я вам должен позволить? Говорите же, не то мое терпение лопнет. На что вы хотите решиться?! Ну!

– Сказать правду?

– Лгут только недостойные!

– Так пусть будет сказана правда: мы всё слышали, уважаемый Исмаил. Они нашли клад! Так, может?..

– Я так и понял, чтоб весь ваш род передох! Ну и длинные же у вас уши. Ослы позавидуют. И вы не боитесь аллаха, такое задумали?..

– Что мы задумали? – переглянулись между собой нукеры.

– Вы меня спрашиваете или я вас, чтоб ваш род передох? Говорите же, или вы не понимаете, как дорог сейчас каждый миг?

– Ну так, если бы ты позволил...

– Давно бы так!.. Но это же пахнет кровью, неужели же вы осмелитесь на такое? Вот не думал, не думал... Но что же вы? Время идет, кони несут их уже в долине Каменной Черепахи...

– Если бы ты повелел нам.

– Что, что? Это я должен вам повелеть? А вы сами что, несмышлениши? Своих голов на плечах нет? Или они у вас соломой набиты? Побойтесь аллаха. Вот уж не ожидал от вас. Вы хотите последовать за ними? Я же знаю, я читаю ваши мысли как на ладони. Хотите, когда они выкопают клад, напасть на них и... того? Достойно ли горца такое дело, благородно ли это?.. Но что же вы медлите? Да поможет вам аллах! И учтите, еще никому не удавалось обвести Исмаила лисьим хвостом.

Мирза и Аждар выскочили из дому, вывели уже оседланных лошадей из конюшни, и через минуту-другую конский топот разнесся по Талгинской долине. Из-под хорошо подкованных копыт фейерверком высекались искры. Недаром говорится: у птицы гнездо на дереве, а у хитреца – в груди.

Железная шкатулка

В полдень следующего дня Саид Хелли-Пенжи с двумя своими лесными братьями подъехали к Куймуру. В аул заезжать было небезопасно, а потому до наступления темноты они решили пересидеть в лесной чащобе. Здесь за скудной трапезой – полчурека на всех, кусок овечьего сыра и вдоволь холодной воды из родника, что протекал прямо у ног, – время шло не так быстро, как того хотелось бы Саиду Хелли-Пенжи. Развалясь на мягкой росистой траве, глядя на кучевые белые облака и синее лазурное небо, каждый из троих размышлял о своем. Саиду Хелли-Пенжи в зеркале ожидаемой шкатулки виделся белый Багдад – несравненный, сказочный город Востока. И себя он видел в белой чалме, унизированной алмазами, в шитом золотом халате, ни дать ни взять – наследный принц Багдатского престола. Видения лесных братьев Саида были менее пышными. Один мечтал о том, что любимая жена и дети готовы простить ему вину и он возвращается домой, навсегда отрешившись от бесчестной жизни. Другому виделось, что аллах предоставил ему наконец случай похитить любимую девушку из дома своих нравных родителей, по милости которых он стал одним из тех, кого горцы называют двуногими волками.

Мечты Саида вдруг пререзала мысль о том, что не руками же они должны рыть землю. У них, конечно, есть с собой кинжалы, только много ли ими нароешь.

– Эй вы, ослиные головы! Надо раздобыть кирку и лопату. Да так, чтобы никому в голову не пришло, зачем они вам нужны.

– Мы сейчас, Саид Хелли-Пенжи, мигом все раздобудем, – вскинулись лесные братья.

– Вдвоем не ходите, и один управится; если не удастся тайком где-нибудь со двора утянуть кирку и лопату, вот деньги, купи, – и Саид бросил тому, что был выше ростом и тощ, словно загнанная кобыла, серебряный рубль с изображением белого царя.

– Я попрошу, скажу, по дороге товарищ умер, похоронить его надо.

– Идиот, хочешь, чтоб весь аул сюда собрался?

– И верно, не то я надумал.

– Ни слова лишнего не говори, спросят, зачем понадобилась лопата, буркни себе под нос что-нибудь и на все вопросы только знай себе кивай согласно головой. Не усложняй простых вещей и не упрощай сложных. Набирайтесь ума-разума.

– Понятно.

– Иди. Скоро вы будете богатыми, сукины сыны, благодарить меня всю жизнь будете, Саида Хелли-Пенжи. И весь мир для вас станет Багдадом.

Долговязый ушел, а рябой коротышка, с лицом, будто слепленным из серой сулевкентской глины, остался с Саидом. Это был тот, который мечтал о похищении своей возлюбленной. Он рассказал Саиду о том, что его гложет, и вдруг воскликнул:

– А зачем же мне ее похищать, теперь просто выкуплю! Правда ведь, Саид?

– Да ты, брат мой, когда набьешь карманы золотом, еще подумаешь, стоит ли связывать себя с какой-то там девчонкой...

– Но я ее очень люблю!

– Она красивая?

– Для меня да. Правда, чуть прихрамывает, но я этого даже не замечаю.

– А я вот никогда никого не любил. И меня никто не любил. Хотя нет, неправда. Одна баршамайская вдова любила меня. Огневая была, стерва, дотла сжигала... Она еще была замужем, когда однажды, будучи у них в гостях, в отсутствие мужа я полез к ней. И знаешь, что она сделала? Я-то думал, вот сейчас поднимет шум на весь аул, и вдруг слышу, она говорит: «Чего ты так долго не шел, измаялась я ожидаючи». Ну, мы, конечно, времени даром не теряли, а все же до прихода мужа не управились. И он застиг нас. Ну я с ним сцепился, а она, едва он одолевает меня стал, закричала: «У каждого своя жена, пусть он об этом знает! Бей его, муж, бей!» Но как только я брал над ним верх, женщина меняла речь. «И что это за муж, – кричала она, – сам не справляется с делом и другому мешают! Бей его, мой возлюбленный! Бей!» Ха-ха-ха! Вот как оно иногда получается.

– Моя не такая... – с грустью проговорил коротышка.

– Все они до поры не такие. Не верю я женщинам, они любого из нас продадут и купят с легким сердцем. Однако, что-то наш одноухий не возвращается?

– Его Хурда-Кадю зовут...

– А тебя?

– У меня и имени-то нет, просто прозвали Ятим-бедняк.

– Где он ухо свое потерял?

– В Большом ореховом лесу.

И Ятим с улыбкой поведал, как это случилось. Был такой абрек, Умар из Адага. Разные они бывают, абреки. Этот был мужчина, настоящий горец. Он защищал бедных, угонял табуны и отары овец у богатых и все раздавал беднякам по аулам. Но были в лесах и другие абреки. Те ногтя на мизинце Умара из Адага не стоили. И однажды в Большом ореховом лесу этот Хурда-Кадю, которому поперек горла стояла добрая слава Умара из Адага, подделался под него и обобрал бедняка горца, который вез на арбе кукурузу себе домой. Огорченный бедняк сел у дороги на камне, взялся за голову и на чем свет стоит стал поносить Умара из Адага. Вдруг будто из-под земли вырос перед ним на лихом коне всадник и спрашивает:

– Чем ты удручен, брат?

– Горе у меня, добрый человек, большое горе, семеро детей дома, слепой отец, хромая мать, больная жена – все они голодные, ждут меня там в горах, и я вез им кукурузы, да вот обобрали меня...

– Кто?

– Абрек Умар из Адага, будь он проклят, чтоб род его выморила чума.

– Он сам так и назвался?

– Да! Да с каким бахвальством, чтоб ему не знать радостей.

– Куда он увел арбу?

Бедняк показал в глубь леса.

– Следуй за мной, – сказал всадник и поскакал в ту сторону, куда направился грабитель.

Умар из Адага очень быстро нагнал Хурда-Кади, остановил его, велел вернуть бедняку все, что тот у него отобрал, и на глазах у пострадавшего горца одним ловким взмахом сабли отрубил Хурда-Кади ухо и сказал: «Это, негодяй, тебе за то, чтобы ты впредь не путал себя со мной!» Так он потерял ухо...

– Вот что, Ятим, иди-ка ты ему навстречу. И знай, если что, бегом обратно, – проговорил Саид Хелли-Пенжи, словно бы и не слушал длинного рассказа Ятима. – Э, да вот, кажется, и он сам.

Из кустов действительно вынырнул одноухий с лопатой и глиняным кувшином в руках.

– Где ты так долго пропадал?

– Нате-ка вам, ешьте ягурт. Я уже наелся в погребке. Целый кувшин съел. Холодный и очень вкусный, вроде из молока буйволицы... Кирку я не достал, а рубль твой в целости. – И он подбросил монету. – Коли царем вниз, будет удача, а нет, так не будет...

– Царь плюхнулся лицом в землю, – значит, удача! – воскликнул Ятим.

– Береженный палас атласом станет! Слыхали такое? – проговорил Саид Хелли-Пенжи и спрятал монету.

Когда сгустились сумерки и над саклями куймурцев поднялись дымки от очагов, над которыми жители кипятили молоко, варили картофельный суп, и когда последняя, отбившаяся от стада корова была загнана во двор, Саид Хелли-Пенжи и его спутники, оставив лошадей привязанными в лесу и положив перед ними охапки наспех собранной травы, направились по известковому крутому склону к развалинам древней башни. Ко времени, когда поднялся светлый месяц в сопровождении светлой звезды, они уже были у башни.

– Не об этом ли дереве говорится на полях корана? – оглядевшись, сказал Ятим.

– Другого здесь и нет.

– От дерева три шага – написано там. А что, если этот дьявол нам все не так прочитал?

– Не тревожь душу! – разъярился Саид Хелли-Пенжи.

Коротышка словно прочитал его мысли:

– А все-таки хитрые у него были глаза.

– Пусть только попробует, я сдеру с него шкуру, как с барана в базарный день. Выпотрошу и сушить повешу. А коран в наших руках, вот он. Мы все равно дознаемся до тайны.

– А что, если он послал нас сюда, а сам выбрался на верное место? Мы будем рыть пустое место, а он тем временем завладеет шкатулкой...

– Не мог он мне соврать, зная, кто я такой. Но все же надо спешить! Итак, три шага в сторону Кибла...

– А где находится Кибла?

– В той стороне, куда ты встаешь лицом, когда молишься.

– Но здесь-то я никогда не молился.

– А молился ли ты вообще?

– Ну, скажем, за любимую свою...

– Не гневи аллаха. И будет зубы скалить. Поворачивай. Видел, куда садилось солнце? Вон за ту гору. Выходит, надо стать к ней спиной и сделать семь шагов. Раз, два, три...

– Ну, и где здесь надгробная плита? Я же сказал, что обманул нас этот негодяй!

– Не может быть!.. А это что?

– Обыкновенный камень...

– Нет! Это основание разбитого надгробия. Ну-ка ищите на склоне...

– Есть!..

– То-то же! Бери-ка лопату и рой! Не верится мне, чтоб кто-то не побоялся аллаха и обманул меня.

Ятим с азартом захватывает лопатой землю, сухую, смешанную с известняком. Но вот его сменяет Хурда-Кади. «Раз земля так легко поддается, может, клад и правда здесь!» – радуется про себя Саид Хелли-Пенжи. А тем временем в ущелье, в русле высохшей речушки, неподалеку от старого дома-башни, откуда доносится тоскливый вой шакалов, спешились два всадника. Они привязали своих лошадей к стволу дерева, вскинули винтовки и, стараясь не шуметь и не привлекать к себе внимания, стали осторожно подниматься к башне. Яма все глубже, а те двое все ближе к цели. Вот они поднялись, притаились за камнем, из-за которого им хорошо видно тех, кто, не подозревая, что за ними наблюдают, отрывают клад. Месяц хорошо освещает это место, и потому ничего не стоит взять на прицел увлеченных кладоискателей. Нужен только удобный момент. Торопиться некуда, пусть извлекут клад, тогда и можно заговорить языком оружия. А пока незачем мешать людям самим рыть себе могилу.

– Ну скоро там? – будто чувствуя неладное, торопит Саид Хелли-Пенжи. Ему и в самом деле кажется, будто в затылок вонзился чей-то острый взгляд. Он обернулся, прошелся мимо того самого камня, за которым прятались недруги. Чует что-то звериный нюх...

– Есть! – воскликнул Хурда-Кади, который уже по шею скрылся в яме. Под лопатой у него заскрипело железо.

– Что есть?

– Совсем маленькая...

– Что маленькая? Шкатулка? Давай сюда!

– Сейчас. А тяжелая, будто чугунная!..

– Драгоценности потому и драгоценны, что они малы, да тяжелы. Давай-ка сюда...

Саид Хелли-Пенжи отбросил коран в сторону и нагнулся, чтобы взять шкатулку... И тут раздались выстрелы, Ятим рухнул на месте, успел только сказать: «А это уж зря, ни к чему мне сейчас умирать...» Раненый Саид Хелли-Пенжи скатился по склону и при этом выронил шкатулку. Ну, а Хурда-Кади, бедняга, даже не вылез из ямы. Схватившись за голову, он осел на дно ямы и кончился, не вымолвив ни единого слова.

– Эти готовы! – сказал Аждар. – А третий, жаль, успел улизнуть. Вот она, шкатулка-то!.. Наша она, ты понимаешь это?

Аждар на радостях так хлопнул Мирзу по спине, что тот чуть не свалился в яму.

– Чему радуешься-то? Отнесем ее сейчас и отдадим все добро этому, чтоб весь род его передох...

– Ты думаешь, что нам обязательно надо так сделать?

– Э, брат Аждар, ты, я вижу, башковитый! На самом деле, зачем он нам нужен, если в руках у нас такое богатство?

– А сколько, ты думаешь, здесь?

– Уверен, что и внукам нашим и правнукам хватит. Но я боюсь, Исмаил разыщет нас, где бы мы ни были.

– С таким-то добром мы скроемся хоть в Стамбуле, хоть в Тавризе...

– Далеко вы собрались, любезные!..

Если бы вдруг грянул страшный раскат грома, наши дружки перепугались бы меньше, чем от этих спокойно сказанных слов. Они обернулись и увидели своего хозяина с маузером в руке.

– Ну что скажете? Я с детства помню поговорку: «Для своего добра свой глаз – лекарство». Вот и решил проверить, что вы тут делать будете... Негодяи, собачьи дети! Так-то вы оправдываете мой хлеб и мою веру... Да я вас, крысы эдакие, могу здесь же на месте прикончить и зарыть в этой яме!..

– Прости нас, почтенный Исмаил.

– Прости, шайтан попутал... – подползли они оба на коленях к хозяину. – Сблазн был велик... кто бы устоял. И пророк ведь, говорят, за свою голову молится. Хорошо, что ты пришел и не дал нам в грех впасть.

– Я к вам как отец, а вы... Благодарите аллаха, что наделил меня великодушием. Так и быть, я не укокошу вас. Зарубите себе на носу: кто поступил с тобой, как мышь, будь ему кошкой; кто был к тебе собакой, будь ему волком, зато, если кто поступил с тобой по-отцовски, будь ему сыном... Слыхали такое? То-то же!

– Спасибо за урок, почтенный Исмаил.

– Давайте сюда шкатулку, и поехали. Молитесь за мое сердце, за то, что оно умеет прощать людские слабости. Но если еще хоть что, пеняйте тогда на себя – хватит меня истинный гнев, злее зверя не найдете! Понятно?..

– Мы все поняли, прости нас.

– И забудьте навсегда ваши Тавризы и Стамбулы. Если понадобится, моя рука дотянется и туда, тем более сейчас всюду войны и границы государств открыты настезь... Этих мест вам и во сне не видать! Понятно, сыны блудной матери...

– Ты нам как отец, почтенный Исмаил.

– Отец не отец, но я вас кормлю, одеваю, обуваю, учу уму-разуму... Этого немало. А известное дело, шашка не должна рубить ножны...

Исмаил не шутил, в гневе он и правда злее зверя. И до чего же хитер и коварен, особенно если станет говорить, намазывая сметану с медом на язык. Вот тогда-то жди от него подвоха. Зная такой его нрав, Аждар и Мирза старались разжалобить хозяина: всю дорогу клялись быть ему еще более верными и преданными, как чабанские псы. И на этот раз Исмаил, как ни странно, простил им, – видимо, велика была радость оттого, что стал обладателем драгоценной шкатулки.

Радость и огорчение

Мрачный дождливый рассвет пугливо пробивался сквозь пелену тумана. Исмаил вернулся домой в добром настроении, даже жену поприветствовал, дочерей, что спешили с медными лужеными кувшинами по воду к роднику, по головкам погладил, приласкал во дворе собаку и, прижимая шкатулку к груди, вбежал в комнату. Аждар и Мирза остались во дворе. Уселись они на лестнице, и горькими, как полынь, были мысли, роившиеся в их головах. Им, конечно, очень хотелось бы узнать, что же там, в этой шкатулке. Исмаил понимал это и потому позвал их к себе.

– Так уж и быть, идите сюда, не хочу, чтоб вы обо мне дурное подумали, да и открыть ее я один не смогу. Похоже, крышка оловом запаяна...

– И рисунки какие-то на ней... – осмелел Мирза.

Железная крышка шкатулки и в самом деле была украшена рельефными расписными сценами то ли охоты, то ли борьбы людей с дикими зверями.

– Как же мы ее откроем? – заговорил и Аждар.

– Как? Очень просто. Давайте действуйте напильником и ножом, олово податливо; будто вы с лудильщиками не знали...

– Интересно все же, что в шкатулке, почтенный Исмаил? Неужели золото? Вот, можно сказать, повезло, как в чертову дыру пальцем угодили, а?

– О чем это ты?

– Ну, к примеру, о том, что, имея столько золота, можно ведь и в Стамбуле жить.

– Во-первых, я, по-моему, ясно сказал вам, чтоб вы и думать забыли об этих городах, а во-вторых, зачем мне сдался Стамбул, когда я здесь, у себя, могу свой Багдад построить. Чужбина есть чужбина, а здесь моя земля.

– Но здесь же не дадут жить! – развел руками Мирза. – Конечно, я понимаю, очень жаль вам, почтенный Исмаил, терять столько поливной и неполивной пахоты, столько отар, табун таких лошадей, пастбища, да и лечебная грязь приносит вам немалый доход... Но что, если всё это отнимут?..

– Кто отнимет?

– Те, кто хотят и нищих оставить нищими и богатых сделать нищими. По-разному их называют, одни красными, другие большевиками. Поди разберись...

– Вот бы отделиться нам от России, это было бы дело... – угодливо повторил некогда услышанные от хозяина слова Аждар.

– И как жить дальше? Самим править? – спросил Мирза.

– Зачем же самим. Можно присоединиться к единой Турции. Вот вам и будет Стамбул!.. – ухмыльнулся Исмаил.

– Много в тебе ума, почтенный Исмаил. На твоём месте я бы объявил себя владыкой Дагестана, и все. Никакого присоединения...

– Нет, Аждар, это не получится, слишком много соперников будет. Куда ты денешь имама из Гоцо, шамхала Тарковского...

Оба прислужника льстили хозяину как могли, готовы были пятки ему лизать, и толстяк весь плавился от удовольствия.

– Ну что там, не подается? – спросил Исмаил, вернувшись к действительности.

– Сейчас, скоро откроется. Умереть мне за тебя, хозяин, если в шкатулке одно только золото, дашь мне хотя бы два кольца? – не сдержался Мирза.

– И мне... – торопливо, чтоб и о нем не забыли, добавил Аждар, утирая платком гноющийся глаз.

– Сколько монет требуется на два зуба? – не отвечая на их просьбы, спросил Исмаил, словно бы и в самом деле хотел сделать им приятное. Чтобы не гневить аллаха, он и правда готов был пойти на жертву.

– Не меньше трех золотников.

– Выходит, целой десятки, что ли? Да чтоб род ваш передох, ограбить меня хотите? По три золотых каждому – это шесть...

– Мы согласны и на две десятки...

– Хватит и двух! – поспешил поддакнуть сообщнику Аждар.

– Совести, я вижу, у вас нет, – заворчал Исмаил. – Недаром ведь говорят: погладь кошку, она и царапаться начнет. Довольствуйтесь тем, что моя совесть соизволит вам выделить...

– И на том спасибо, уважаемый Исмаил. Мы же знаем, что человек ты щедрый... И сколько же ты дашь?

– Одну пятерку на двоих.

– Что?! – оторопел Мирза, но, увидев сердитый взгляд хозяина, осекся. – Да, да, конечно, но только как же мы одну монету поделим на двоих?..

– Не беспокойся, я разделю, – утешил Аждар.

– А я тебе не верю! Пусть в таком случае сам Исмаил делит.

– Ах ты, червь несчастный, что же я тебе такого сделал, чтобы из доверия выйти?

– Не верю, и все! И глаз у тебя один!

– Зато подлую душу твою хорошо насквозь вижу! У, несчастный! Убью! – Аждар двинул Мирзу так, что тот выпустил из рук шкатулку, она грохнулась на землю и... раскрылась.

Все трое кинулись к шкатулке, и глаза у них полезли на лоб. В шкатулке не было ничего, кроме завернутого в какую-то тряпку ключа. Странное дело. Кому, какому идиоту пришло в голову таинственно прятать в землю пустую кованную железом шкатулку? Велико было недоумение Исмаила. Постепенно оно сменилось возмущением: неужели кто-то мог его так жестоко разыграть?

– Хорошо, при тебе все это было, почтенный Исмаил, не то ты всякое мог бы подумать, – пробурчал Аждар.

– Чтоб род их передох, что же все это значит! И что это за ключ? От чего он? – бесновался Исмаил. – И зачем его понадобилось там прятать? Может, не зря? Не есть ли это тот заяц, что не родился под несуществующим кустом? Погодите, а где тряпка, в которую был завернут ключ?

– Вот она.

– Дай-ка ее сюда, – Исмаил стал рассматривать кусок белой бязи, и вдруг его лицо осветилось, будто заиграл на нем солнечный зайчик. – Еще не все потеряно, по-моему, здесь что-то написано. – Исмаил начал читать вслух: – «Да простит тот, чья душа ввергнута в бездну сомнения и возмущения. Такая предосторожность была необходима для большего сохранения тайны... В шкатулке ключ от подземного хода, ведущего туда, где хранится клад. О том, где этот ход, написано на бумаге, вложенной в кожаный переплет корана с медной застежкой. Али-Шейх».

Исмаил с минуту молчал, потом вскричал:

– А где же коран? Дайте его!

– Какой коран? – в один голос спросили нукеры.

– Вы не обыскали их? Убитых?

– Это нам и в голову не пришло.

– Да чтоб род ваш передох, лопухи. Ведь этот ключ ничто без той книги! Что ж, вот и пришло ваше время доказать мне свою преданность: достаньте книгу хоть из-под земли... Вы всех троих отправили на тот свет?

– Кажется, да.

– Кажется или точно? Чтоб ваш род передох!

– Один скатился по склону, мы не знаем.

– А ну, скорее! Чтоб вмиг были там. И не советую вам возвращаться без корана!..

– Пока мы живы – мы твои слуги, почтенный Исмаил. Но лошади наши устали, и, как бы мы ни спешили, раньше завтрашнего полудня туда не добраться, а куймурцы уже сегодня обнаружат убитых. Где нам тогда их искать?

– Куймурцы не такие глупцы, как вы. Они не захоронят коран вместе с трупами. Вот и ищите его у куймурцев. А лошадей возьмите из моей конюшни. Нет бога, кроме аллаха, нет для меня книги важнее этого корана!

Нукеры послушно вывели из конюшни откормленных коней с лоснящимися боками, оседлали их. Жена Исмаила по приказу мужа положила им на дорогу в хурджины горячих кукурузных лепешек, несколько кусков свежего овечьего сыра, сушеной колбасы, которую можно в любом месте изжарить прямо на костре. Сам Исмаил, не спускаясь вниз, с верхнего этажа, пожелал им удачи. Жестокий самодур был верен одному правилу: людей своих, как собак, хорошо корми, чтобы верно служили.

Глава третья

Сказка слепого Ливинда

Аул Куймур издавна славится красотой своих девушек. Певцы всех времен слагали о них песни и пели под аккомпанемент чугура. Почти все наиболее значительные люди Страны гор выбирали себе невест в этом ауле. Не мало девушек умыкнули отсюда и славные джигиты.

Девушки в Куймуре не только пригожи собой. У них доброе сердце. Они нежные, кроткие. Отсюда и родилась поговорка: «Лучший клад на земле – жена родом из Куймура».

Прекраснее других дочерей Куймура была дочь слепого Ливинда. Не случайно даже на полях корана Али-Шейха о ней говорится. И поистине эта несравненная девушка достойна того, чтобы о ней говорили и ею восторгались. В ней столько достоинств, столько доброты и очарования, что их с лихвой хватило бы на всех девушек аула. К тому же дочь слепого Ливинда, как и все девушки Куймура, – не белоручка. Красавиц здесь растят для жизни, а жизнь в горах во все времена была и есть не самая легкая.

Чудесное это создание, что зовется Мууминой, только минувшей весной, как сказал бы певец любви, распустило свои благоухающие лепестки и ярко выделилось на зеленой траве – ей исполнилось шестнадцать лет. Муумина обладала самым дорогим для молодых девушек украшением – застенчивостью – порождением целомудрия, мягкостью характера и еще конечно же розовой тенью на бархатисто-нежном лице. Когда девочке было всего десять лет, она потеряла мать – молния поразила несчастную женщину на пути из лесу, куда она ходила за молодыми ореховыми кустиками, которые горянки употребляют как средство борьбы с молью.

С тех самых пор все хлопоты по дому легли на хрупкие детские плечи. Отец Муумины, слепой Ливинд, не просто слепой, а, что называют, вак-сукур – слепой с открытыми глазами. На первый взгляд он не кажется слепым, только по стуку его палки о камни можно понять, что он не видит света белого.

Ливинд прислуживает в мечети. Отец с дочерью живут тем, что перепадает на его долю от урожая с земельных угодий мечети и от приношений правоверных сельчан.

В хозяйстве у Ливинда одна корова, и та, на беду, отелилась этой весной мертвым телком – зима выдалась суровая, да и кормов было мало. Есть еще три барашка и лохматый, рогатый козел. Их-то и пасет сегодня спозаранку Муумина, поднявшись повыше, к Куймурской башне.

Слепой Ливинд, на радость своей любимой дочке, еще в раннем ее детстве сложил чудесную сказку, которую рассказывал долгими зимними вечерами. Вот она, эта сказка.

Жила-была на свете девочка. Днем ей светило солнце, а ночью ласкала луна. Звали ее – Муумина...

В этом месте девочка всегда перебивала отца: «Это обо мне папа, да?» Муумине было всего десять лет, когда ее добрая, любящая мать, гонимая судьбой, пошла в лес и больше не вернулась домой, – безгрешную, ее поразила злая молния. Но у девочки был отец, несчастный, беспомощный слепой человек, вызывающий у людей чувство жалости. Лучше не родиться человеку, которому судьбой предначертано нести на себе бремя людской жалости, Муумина жила со своим отцом в старой, полуразвалившейся сакле, сложенной из камня, и сакля эта стояла на окраине аула, как отбившаяся от стада овца. Хотя глаза у отца Муумины были незрячие, но сердцем он был мягкий, добрый, очень любил людей и в дочери своей души не чаял. Эта маленькая, хрупкая девочка была его единственной надеждой, другом в печали и одиночестве.

Не будь у него Муумины, зачем бы жить на свете несчастному Ливинду, – он жил и дышал только для нее...

На этом месте, бывало, девочка всхлипывала.

Ливинд с ранних своих лет служил в мечети, этим они с дочерью и жили. Росла девочка доброй, отзывчивой, очень приветливой. И красива она была не только душой, но и лицом. Была достойна того, чтобы о ней слагали песни. Всех радовала ее красота. И только горемычный отец не видел, как прекрасен цветок, взращенный им. Он просто сердцем знал, что дочь его хороша, что природа щедро одарила ее всеми дарами красоты.

Нет, не могло не произойти чуда в этой маленькой бедной, но прекрасной семье. И чудо произошло. В один из дней, когда под теплыми лучами весеннего солнца пробуждалось все на земле, прямо напротив их сакли на перевале Бацла-Шала, что значит Свет Луны, появился белый всадник. Белый не только потому, что добрый конь под ним словно бы возник из морской пены, но и потому, что и одет был всадник во все белое: на голове белая шелковая чалма с горящим рубином во лбу, в белой блестящей череске из шемахинской ткани, с золотыми газырями, на ногах сапоги из белого сафьяна. И оружие у всадника из чистого серебра, кованое, кубачинской работы...

Весь аул Куймур выбежал полюбоваться дивом дивным, славным всадником на легкокрылом, белоснежном скакуне. Все куймурцы открывали ворота, с надеждой, что этот сказочный всадник заедет к ним. Только во дворе слепого Ливинда, в сакле которого расцвела девочка Муумина, не скрипнули ворота. Прослышав о белом всаднике, Ливинд сказал: «Откуда нам, бедным и несчастным, такая радость, доченька. Сакля наша вся залатана, как сума нищего, какой гость изберет ее, когда и дыма над крышей нет, и огня в очаге нет, и нет котла на огне, и в котле не варится еда, чтоб угостить кунака...» А белый всадник, словно не видел на своем пути широко открытых ворот, и ехал все дальше и все ближе и ближе к сакле Ливинда. И тут только куймурцы заметили печаль в глазах всадника и грусть в глазах его коня. Люди отстранялись, уступая ему дорогу, жестами приглашали каждый в свой двор: будем, мол, рады, заезжайте... Белый всадник, приложив к груди руку, легким поклоном головы благодарил и проезжал мимо. Все насторожились: кого удостоит этот юноша-джигит, чей дом осчастливит своим посещением? Вот он проехал вдоль реки, что разделяла аул, и люди уже подумали, что белый всадник, наверно, вовсе не остановится в их ауле, как, к удивлению всех, он остановился у ворот Ливинда и молча постучал инкрустированной слоновой костью рукояти плетки, будто спрашивал: «Примете ли незваного гостя, добрые хозяева?» И Муумине, которая вся была – само ожидание, показалось, будто она услышала его голос.

– Сейчас! Сейчас! – И, радостно спорхнув с лестницы, Муумина подбежала к воротам, настежь отворила их перед необычным гостем и сказала: – Осчастливь нас, добрый всадник, пусть в нашей ветхой сакле тебе будет тепло!..

Въехал белый всадник во двор, слез с коня, подошел к Муумине, отвесил ей поклон и засмотрелся, как зачарованный, на девушку. Губы его дрогнули, он хотел что-то сказать, но не мог... Муумина взяла уздечку, погладила коня по шее, и конь вдруг раскатисто заржал, в глазах его зажглись искры радости, а тени грусти словно и не бывало... Муумина привязала коня к стойлу, положила ему сена, затем подошла к джигиту, взяла его за руку, приглашая в дом. И от ее нежного прикосновения в тот же миг лицо юноши словно осветилось, и он заговорил:

– Полсвета я объехал, Муумина, и наконец нашел тебя. Спасибо, добрая девушка...

– За что же ты благодаришь меня? – удивилась девушка.

– О, Муумина, ты вернула и мне и коню моему дар речи. Видишь, я заговорил?..

– Откуда же ты, добрый незнакомец, знаешь меня, бедную девушку? Не велика ведь слава обо мне на земле?

– Не говори так, Муумина, меня заколдовал дьявол, лишил дара речи и сказал: не заговоришь, пока к тебе не прикоснется девушка по имени Муумина, дочь слепого Ливинда... Долго, ох как долго я добирался до тебя, и вот я осчастливлен...

– Да стану я прохладой в жаркий день для тебя, да стану я костром тебе в мороз, добрый гость, входи в нашу саклю, хотя она, может, и не достойна такого гостя, как ты, уж очень старая...

– Это не беда, Муумина, что она старая... – Юноша взмахнул левой рукой, и ахнули все жители Куймура: на месте старой сакли слепого Ливинда появилась двухэтажная, светлая, с ажурными перилами на балконах, сакля из белого камня, да не с одним, а с двумя дымоходами...

Отец Муумины вышел из комнаты и, по привычке нащупывая палкой путь, хотел сойти по знакомой лестнице, но ее не было на прежнем месте. Он пошел прямо к краю террасы и мог бы сорваться, но Муумина вскрикнула:

– Отец, берегись! Отец!

Услышав этот крик, белый всадник в мгновение ока взмахнул правой рукой, и свершилось чудо: слепой Ливинд остановился у самого края террасы, открыл глаза и увидел перед собой огромный, удивительный мир, увидел он и свою счастливую дочь, а рядом с ней молодого джигита. Сошел отец по мраморной лестнице, благословил молодых. А через три месяца и три дня сыграли они такую свадьбу, что все жители аула собрались, семь барабанщиков и семь зурначей играли и день, и ночь, и еще день. Медведь из лесу прибежал поплясать, соловьи из дубравы прилетели, чтобы песней своей украсить торжество. Столько меду было свадебного, что хватило всем. Всем, кроме бедного отца невесты – слепого Ливинда...

Так кончалась сказка Ливинда. Эту сказку старик рассказывал много раз. И не только дочери своей, но и другим детям, да и не только детям, но и взрослым. Все в ауле знали сказку о белом всаднике.

Эта-то сказка и цвела в душе Муумины, хотя порой, когда тяготы жизни становились особенно невыносимыми, бедной девушке вдруг начинало казаться, что ничего с ней такого быть не может. Откуда здесь взяться сказочному джигиту – все это только мечты. Но разве может юное существо жить без мечты? И сердцу верилось. Печаль сменялась надеждой.

Находка у старой башни

Утро выдалось жаркое, и овцы попрятали свои мордочки в тени развалин башни. Муумина собирала цветы. Время осеннее, их уже было мало и не такие красивые, как летом.

Девушка вдруг наткнулась на яму, там, где ее никогда не было. Она подошла совсем близко и увидела у ног своих книгу. Подняла книгу, а это оказался коран, каких много в мечети. Только медная застежка на нем особенная – с красивым узором и очень блестящая. Муумина скользнула взглядом в яму и... онемела. Там сидел человек с открытыми остекленевшими глазами. Девушку охватил такой ужас, что в первый миг она не могла ни вскрикнуть, ни убежать. Но потом вдруг сорвалась с места и тут же споткнулась о другой труп, только это уже ее не остановило. Она бежала вниз по склону и все почему-то повторяла: «Мама, мамочка!...» Забыв об овцах своих и обо всем на свете, девушка бежала к дому. Отец как раз собирался в мечеть, когда с грохотом распахнулась дверь и в саклю ворвалась Муумина.

– Что с тобой, дочка! – протянул к ней руки слепой Ливинд. – Я по дыханию твоему чувствую неладное.

– Отец, там случилось что-то страшное! – не своим от волнения голосом проговорила Муумина.

– Где, дочь моя?

– У старой башни, отец! Там, там...

- Зачем ты туда ходила? Я же запретил тебе забираться далеко! Так что же произошло?
- Там вырыта большая яма, и в ней сидит мертвец, а чуть дальше еще один убитый!..

Так страшно...

- О аллах, что все это значит? А кроме тебя там никого не было, Муумина?
- Нет, не было. Только я с овцами.
- Никогда больше не ходи туда, слышишь?
- А как же овцы?..
- Они вернутся, сами найдут дорогу домой. И никому ни слова не говори об этом.

Никому!..

Бедного слепого вдруг осенила мысль: почти все другие служители мечети слынут ясно-видцами, а за ним ничего такого не числится. Так не сам ли аллах посылает ему удачу?

Слабости человеческие, есть ли им предел...

– Я нашла там вот этот коран, – девушка протянула отцу книгу. – Он с красивой медной застежкой.

Ливинд ощупал книгу.

– Жаль, доченька, что глаза мои не видят всего здесь написанного... – вздохнул он. – Ну, да ладно! Схожу-ка я все же в мечеть. А ты постарайся забыть обо всем и никуда не выходи из дому. Об овцах не беспокойся. Я, пожалуй, попрошу кого-нибудь из мальчишек, пусть пригонят их.

Ливинд ушел. И уже очень скоро, наспех совершив намаз, он стоял у мечети в толпе куймурцев и, перебирая четки из разноцветных камней, загадочно говорил:

– Почтенные братья по вере, вчера неподалеку от нашего аула случилась беда. Я думал, кто-нибудь расскажет мне об этом, но вы все почему-то молчите...

– Что такое? Что случилось, Ливинд?

– Мне явился ангел. Он попросил, чтобы мы предали земле тех, кто убит вчерашней ночью у старой башни...

– Что ты такое говоришь? Откуда ты взял, будто кто-то убит. Может, удивить нас хочешь?.. – зашумели все вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.